

У Т Р Е Н Н Я Я

З В Ъ З А А.

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ.

—

Книжка 2.

Х А Р Ъ К О В Ъ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва. Декабря 1 дня 1833 года. Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1834.

У Т Р Е Н Н Я Я З В Ъ З Д А .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Грыцька Основьяненка:

	<u>Стран.</u>
СУПЛИКА ДО ПАНА ИЗДАТЕЛЯ	3
САЛДАЦЬКІЙ ПАТРЕТЬ. ПОБРЕХЕНЬКА	9
УКРАИНСКОЕ УТРО ОШРЫВОКЪ	44

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Срезневскаго (И. И.):

ЗАПОРОЖСКІЯ ПѢСНИ, СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И

лешорическими примѣчаніями:

	<u>Стран:</u>
1. Надгробная пѣснь Свирговскому	51
2. Сожженіе Могилева.....	59
3. Надгробная пѣснь на смерть Асаула Чурая.....	66

* * *

Рывалка, Малороссійская Баллада ...	71
Батько та сынъ. Басня.....	74
Рывка. Басня	76
До Пархома. Двѣ Оды Горація	78

Гребѣнкина (Е. П.):

Отрывки изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина, переложенной на Малороссійскій языкъ. (Изъ 2-й и 3-й пѣс.) .	82
Будякъ та Конопедечка. Приказка ...	88
Пшениця. Приказка.....	89

Котляревскаго (И. П.):

	<u>Стран.</u>
Отрывокъ изъ Малороссійской Эне-	
иды	90

П Р О З А.

СУПЛИКА

ДО ПАНА ИЗДАТЕЛЯ.

=

Любезный мій приятелю!

Дойшла до мене чу́пка, що ты хочеш и въ насъ, по Московськїй моди, збышы кныжечку... а якъ ии по нашому назвашы? — не вмю; бо й Москали — не ти Москали, що живущь у Мѳскви, а таки що не зъ нашихъ, а зъ Рассѳйськихъ — що крипко въ ныхъ кохающця, и ти, не вмившы ии по свѳему назвашы, зовущь по Нимецъки; шакъ нехай же по нашому буде: *Збѳрникъ*. Спасыби шоби за сюю пра́цю. Черезъ шебе будемо знашы, хто зъ нашихъ Слобожанъ, ша й съ Гашьманцивъ, що и якъ конпо-

нуе. Щежъ я чувъ, буцимъ-шо хочешъ пышупже прышулышы, де що и по *нашому* пысаного. За сюю выгадку, ажъ прычи шоби дякую. Нехай же знаюшь и нашихъ! — Бо е шаки люде на-свиши, що зъ насъ кепкуюшь, и говорюшь, ша й пышушь, буцимъ шо зъ нашихъ нишо невшне, щобъ було — якъ воны кажушь — и звычайне, и нижененьке, и розумне, и полезне; и що, спало бышь, по *нашому*, опричь лайкы, ша глазованья надъ дурнемъ, билшь ничого не можно й напысашы.

О бодай ихъ вже зъ шакою думкою! — Хыбажъ не живо вчысшывъ Павъ Копляревскій *Енея*? — Эге! объ нимъ и досе *Москва* шовче и перешовкуе; и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, ша й каэ: — „*Ну такъ, славно!*“ — А Павъ Аршемовскій - Гулакъ мало понапысовавъ про *Твердовського*, про *Солопю*, про *Собаку*, або *Гараськовы Оды* не мудро розказавъ по *нашому*? Що може у иншого, хшо чышавъ, шакъ и досе кышкы боляшь видъ смиху, а въ иншого — якъ шамъ кажушь — прохы лышень шапка не загорилась. Такъ хыба винъ просто пысавъ? Адже и шеперь бажаюшь у мисячни, або и въ шыженни кныжечкы хочъ пившпрешя ёго спыха. — Нехай же й Павъ Гребёнкынъ выкыне *Полтаву*, що перероблюе зъ *Московскою*; нехай, кажу, не боишця ничого, ша — якъ шамъ кажушь — издасть и пыпомъ, шакъ шамъ

и шаке буде, що хочь не хочешь, а заколупнѣ шебе за душу; а де й сѣрденько защемышь; буде й шаке, що чыпаяучы, слизонькы шилки капь, капь, капь! — Та е й други — прочи, що на спыхахь — на спыхахь, а шо шаки и просшо, розмóвою пышупь... Такь щожь будемо робышы? Не впоропаюшь по нашому, ша й ворчашь на наши книжки:— „*Ета нлышто, па Чухонсь-ки. Захымь печатать, кагда ни хто не ,розуміе.*“

Гай, гай! — Хибажъ шилки й свипа, що у викни? Трывайше бо, Панове! не дуже сѣкайшесь. Е ще на-свиши православне Хрыспыянство, що вмѣюшь и любляшь по нашому чыпашы. Не усѣжь для Москаливъ: може бь преба и для насъ що нѣбудь, щобь и мы... знаеше, не усѣ... а шакь... де що... попрóху... дѣ чого зналы; а шо, по вашому, шакь мы... шакь соби... дѣ намь за вамы?.. Гмь! на догадь бурякѣвъ, щобь капусышы далы.

Та ще жь на своимь вику' выдávъ и шакыхь, що якь попаде нашу книжку, ша переворочуе ии, переворочуе, мовь голодна, беззуба собака шкорынку, копрóи не вкусышь — ша не розчу'хавшы що, для чого, и прошивъ чóго пысано, заразь, щобь абы що не будь сказашы, абы чымь не будь нашого брачыка занехаяшь, а самому похваспашы, заразь кажу, и гукне: „*Ка-*

„выка не тамъ; оксія не туды; хвалишь!
 „Треба нашъ ёрь ны, ны; я усе знаю и за-
 „разъ побачу де що не такъ.“ Ой гляды лы-
 шень, пане усе - знаю! щобъ не було и зъ
 шобою шого, що зъ Терешкомъ шевцемъ.

А що шамъ зъ нымъ було? Ты може, прыя-
 шпелю, не позабувавъ шого, що зъ малу у шко-
 ли вчывъ, шакъ и згадаешъ якусь Лапынську
 побрехеньку, що я шоби по свóему розкажу,
 якъ чувъ ии видъ Панáса Писпряка, а винъ чувъ
 ии, ще въ школи, видъ самiсинького нашого дя-
 ка, Пана Олексiя.

Одже шо колы хочъ, шо й прылипы сю по-
 брехеньку усвiй збирныкъ; може шакы кошрый
 изъ скалызубивъ, охочый другихъ гудышы, а
 самому шалану нема, що нé будь пушынь напыса-
 пы, захоче покепковáшы надъ швоею *Зироккою*,
 ша наше, хочъ не зовсимъ по верхамъ, а хочъ и
 по складамъ прочыша, и черезъ десяше п'яше
 ушорóпае, ша й по чуха попылыцю и усомъ за-
 крушышь, ша й... помовчышь; шо й шо добре;
 одною брехнею на свиши меншь буде.

Колыжь будешъ ии печашашъ, шо пожалуспа
 доглядай, щобъ у мойй побрехеньци не наверня-
 калы якои нашои мóвы на Московський ладъ.
 Нехай наши, якъ хшо зна, шакъ свое й пыше;
 а я думаю, що якъ говóремо, шакъ и пысашы

шреба. О! добребъ, брашику, було, якъ бы мы шакъ говорылы, якъ у кныжкѣхъ пышупь; а якъ бы ще шакъ и робылы, шакъ бы й не було на́-свиши ничо́го луччого!

Нехай же шоби, брашику, Богъ помога на добрее дило. А мыни вирь, що я шебе и поважаю, и шаную, и дуже дякую за швою працю для славы Слобожань, и для нашої пошихы и ползы, и що я повикъ шоби́

На услугу щиро гошовый

Грыцько Основьяненко.

Львица у пятое число

1833 року.

САЛДАЦЬКІІ ПАТРЕТЬ.

ПОВРЕХЕНЬКА.

=

Бувъ соби колысь-шо, якійсь-шо маляръ . . .
ось на уми вершышця якъ ёго звалы, ша не зга-
даю. . . Ну дарма: маляръ ша й маляръ. И що шо
бувъ за скусный! — Гай, гай! шамъ морока ёго зна,
якъ гарно малёвавъ! Чы вы, хшо сю кныжку чыпа,
або слуха, думаете що винъ малёвавъ шакъ со-
би, проспо, абы якъ; що шилки розмиша крас-
ку: чы червону, чы бурякову, чы блакышну,
чы жовшу, ша шакъ проспо й маже чы спилъ,
чы скрыню? Э! ни; пошрываете лышень! шакы
що вздрышь, шакъ пашреть зъ нёго и вчеше,

хочь бы шо бувь кавунь, або видро, або свыня; шаки жывисинько воно и е; шилки посвысшышь, ша й годи! — Разь о смиху було! хлопци ажь кышкы' порвалы видь регошу. — Змалёвавь винь, шаки нашого опця Мыкышы кобылу; ша якъ же жыво улишывь, що нечыспый ёго зна! — Ну; намалёвавшы, ша й каэ намъ: шеперь, хлопци, дывипесь що за кумедья буде! А мы каэмо: а ну, ну, що шамь буде? А винь каэ: а йдишь лышень за мною, ша й несить папрешь поповои кобылы. Опшь мы узяшы, ша й пишлы, ша по ёго наущеню и посшавылы быля панопцевого двора, пидперлы ии гарненько, шаки шочнисинько якъ кобыла споишь: и на одно око слипа, и хвисшь вырваный, и рёбра ий повылазылы, ша ще й голову понурыла, мовь пасепця, а самы узяшы, ша й попрысыдалы по пидь площомъ, ша й ждемо башюшку, а самы шулымось якъ мога, щобь не регошашысь. Ажь ось зыркь иде наш опець Мыкыша, ша ще мабудь було и въ головци; ийде, ша соби пидь нись щось-шаке и мугыче: а дали и вздривь кобылу, ша й каэ: що за ледацо мий Охримь! (а ёго бапрака, ша звали Охримомъ;) кобыла, каэ, зийшла прошивь ночи зь двора, а винь и байдуже; колыбь шо мыни ии пиймашы! А дали знявь зь себе поясъ, завья-

завъ ёго пѣплею; ша ѥ спавъ до неи пидкрадашысь, ша знай цмока, ша прыговорюе: „шпрусѣ, ряба, шпрусѣ.“ — а дали якъ пидѣйшовъ близенько, якъ закыне ѥ на шыю поясъ, якъ крыкне: шпру! якъ пошыгне до себе, а кобыла якъ упаде, а мы шакъ и зарегошались, ша на впикачѣ; а ошець Мыкыша и зосшавсь: споишь якъ укопаныѥ, и руки и ноги одубилы, ни зъ мисыця, а кобыла передъ нымъ лежышь до горы ногамы; и пидпиркы не вдержалы, якъ пошыгнувъ ѥ до себе, щобъ не вшкля. Та вже описля росказувавъ, що ѥ довго бѣ споявъ, ша попада побачыла, ша ѥ не знала що зъ нымъ и робышы: и виддувала и водою брызкала, ша насылу зъ мисыця звела и увела у хашу; шакъ, каѣ, цилисиньку ничъ шрясыця ёго было, а кобыла усе ниначе въ вичи лизе.

Такъ ось шакый-шо бувъ скусный маляръ... ше, ше, ше! шеперь згадавъ: ёго звалы Кузьмою... ша шакъ шакы Кузьмою, а по башюсыци Трохымовычъ, а родомъ бувъ — колы чувалы — зъ Борысивкы, видкыля що вѣлуччи богомазы, иконопысыци и усякѣи маляри; шакъ и вишь шо видшыля родомъ бувъ, а у насъ у селѣ зеленывъ нову дзвиницю. И шакы нигдѣ правды ди-

пы: що вже нихшо лучше ни намалюе, ни розмалюе, якъ богомазъ изъ Борысивки; уже не жаль и грошей. А вже якъ Москаль озьмешця за сее дило, ну! шилки почухайся, ша й видыйды. Торгуешця и запрошуе багацько: дай ёму й кошшу, и грошей скилки забажá; а якъ удерешь, шакъ ну! ёму кажешь: блакышна; а винь швердышь: синя-спа! ёму кажешь: не годишця! а винь чухаешця, ша каэ: ничаво-спа, для Халловъ бряде, падавайше-ка деньги! — Тьфу на ихъ голову!

Такъ про сёго-шо Кузьму Трохимовыча прочувъ якійсь-шо Пань, що дуже кохавсь у вогородахъ; шакъ бачь беда: горобци що липа повыклёвуюшь усе що винь ни посіе. Такъ винь-шо позвавъ Кузьму Трохимовыча, ша й порядывъ ёго, щобъ снысавъ ёму салдаша; ша щобъ шакый, якъ живой бувъ; а буде яка хвалшь, прыкыну, каэ, шоби. Ошь и зпоржылысь за десьшь рубливъ и осьмуху горилкы. Оджежь по и змалёвавъ винь салдаша, ша ще якъ? Що яжь кажу, що й живой не буде шакый брыдкий, якъ шо бувъ намалёванный. Пыкашый, мордашый, спрашый, ша ще зъ здоровеннымы у́самы. Мундѣрь на вёму лепскій, гудзыкамы позаципован-

ный, що ажъ ссяе. А ружжо? Такъ погыбель ёго зна, якъ шо живо спысавъ! Опшь шакъ, бачышца и спрэльне, що й прысшупышысь спрашно! А якъ задывисся на нёго, шакъ бачышца вже и ворушышца, и ўсомъ морга, и очыма поводышь, и рукамы дёрга, и ногамы дрыга; шакы шакъ и думаешъ: опшь побижышь, опшь бышемешъ! Такъ шо скупо бувъ памалёванный!

Ну! змалёвавши, Кузьма Трохымовычъ и дума: може не вгожу Пацови; шогди пропалы и гроши и робоша. Повезу куды на ярмарокъ, ша й посшавлю на базари, и буду слухашы, що будушь люде казашы? колы будушь ёго жахашысь и лякашысь, шогди певно беры Кузьмо гроши; колыжъ и сюды и шуды, шо ще пидправляшему, ажъ покы до кинця доведу.

Зибравсь нашъ Кузьма Трохымовычъ, ша й повизъ свого салдаша ажъ у Лышци, коли знаеше. Опшь и спавъ шамъ усаму глупу' пивничъ, якъ ще уси' и ярмаркови быля возивъ, и хазяйштво по хапамъ спалы, и по шынкамъ народъ порозходывся, и свипло погасылы; и посшавывъ шой папрешъ на самій ярмарци и по пидпиравъ ще лучше чымъ попову кобылу, щобъ ни вишеръ

не звалывъ, и щобъ якый` пьяный, якъ попчешця, або свынѣ, звычайно ходячи по базарю, якъ прыйде чухашысь до нѣго, шо щобъ не звалылы; а самъ за шымъ папрешомъ напьявъ яшочку, ша й сивъ щобъ прыслухашысь, шо буде народъ казашъ про ёго салдаша; наклавъ на палипру красокъ, шо колы, каэ, шо не шакъ, шо я и видмаюю. Упоравшысь зовсимъ, прысивъ, понурывъ голову, ша й задримавъ соби прохы, покы до дила.

Ажъ ось спало на свипъ займашысь. Ище не попрышухалы уси зирочки, а шакъ шо шилки шо спало сирішы, а вже нашъ Кузьма Трохымовичъ и скочывъ, понюхавъ кабаки, прочхавсь; прошеръ очи полою, вже шупъ пакъ ни-колы було піводу йшы, щобъ умышысь; пидперезавсь знова и поясъ прыпягнувъ лепсько, насунувъ шапку по самый нисъ, ша й рукавыци доспавъ, бо се — знаеше — було объ першыхъ пьяшикахъ, шакъ вже зори холодни булы — и сивъ у ящи щобъ прыслухашысь.

Першъ усѣго блыснуло свипло у кабаці. Гай, гай! Уже и въ Лыпцяхъ завелысь кабаки, ныначе, нехай Богъ мылуе! у Рассти. Видкыляжъ

по се узялось? Общество насъ такъ прыкрушыло, щобъ, бачъ, видкупщыкъ за насъ, хто не здужа, зносывъ грощи у подушне. А вже зависно, що видкупщикомъ нашому брашу не бупы, се вже Московскій заробипокъ! Вжежъ у Москаля зовепця не шынокъ, а кабаць и памъ усе Москаль на голо, якъ у Туреччыни Туркы; ша усе народъ проворный; ни до испъ, ни до спышь, ша усе объ шимъ шилки и ду́ма, щобъ заробышь копійку. Така вже ихъ Московська поведенця! А якъ шилки нашего брачыка хочъ бы и въ кабацы, обдурюють? шакъ гай, гай! Опце колы прыйшовъ зъ посудыною, щобъ купышы до хозяйства на скилки шреба горилкы, ша хочъ шрохы заслухайся, або зады-выся, шо й не долъе повной миры, ша мерцій и всыпá у швою посудыну, и вже хочъ споръ, хочъ лайся, а винъ шебе и выпроводышь гепъ. Ко-лыжъ шушь хочешъ пышь, шо й буцимъ шо й добрый: за гривню зачеркне изъ дижкы шакы повнисиньку; шушь спанешъ усы розглажу-вашъ, ша цмокашь, ша вшырапысь, и збираеся, якъ шо гарненько на шощака выпьешъ, ша шилки шо руку пиднявъ, и ще и до роша не до-нисъ — якъ урагова ёго мапы зна! де ше Мос-скальча у гаспыда озьмешця? шакы ныначе якъ

пой — що . . . духъ свящъ пры нашій хапи! — підбижышь, підшовкнѣ . . . плюсь! . . . билшь по-ловына чаркы назадъ у дижку! Що зоспалось, пѣешъ мерщій, бо розливальщыкъ спане ще й чарку виднимашы. Выпивъ; — шакъ щожъ? якъ шамъ кажущъ: по бороди пошекло, а уґропъ не попало; а вже й не кажы, що по живошу пишло; ничого було гараздъ и проковшнушь. Опъ шакашо ихъ Московська вира, щобъ зо всякого зидрашы; шакъ куды; вже имъ и спашы довго? Тушь спышь, а шушь дума, якъ бы поживышысь.

Опъ якъ засвишылы у кабаці, ша й высламы на двиръ підшóвкачку, чы не вздрышь кого на вулицы, щобъ заманышь у кабаць. Выбигло чоршы и озираешця. — Пѣдывишесь на нѣго: на що шо воно похоже? Щобъ шо ёму голову гарненько підспрыгышы якъ у людей? а шо папшашый, папшашый! Зъ переди, ажъ у вичи ему волосься лизе, уха закрывае, по попылыци бóвшаешця, ажъ, сердека, усе знай головою попряхуе, щобъ шыи папшы не мошалысь. Сорочка на нѣму не шакъ якъ у людей: за мисць билон, якъ прѣба по закону, вона або червона, або сыня, ша ще й зъ гаплькомъ: ша на плечи и защѣпне; шакъ що хпо зроду уперше Москаля побаче, шо й не вгада, шо шо воно и ё.

Опть шакый-по сшавъ быля кабацькыхъ дверей, поглядáвъ, поглядáвъ — и вздривъ що споишь салдапъ на калавури зъ оружомъ, (не пизнавъ, що шо намалёванный.) Та й гукае: „Служба! пайды-, ка сюда. Сшань шупечка здеся, шшобъ пады, часъ, какъ буде драка, шакъ не дай насъ у, вабеду, а порція адъ насъ буде.“ — Споишь салдапъ, не ворущишця. Москалча крычышь у друге, крычышь и у шрешъ; салдапъ ни зъ мисьшця. Дали Москалча злякалось, щобъ салдапъ не розсердивсь, ша не давъ бы ёму щыпкы, покынувъ ёго, ша мерщій у кабаць, пай зачынывсь. Кузьма Трохымовычь чувъ сее все, усмихнувсь, ша й подумавъ соби: Побачымо, що шо дальшь буде; ще не велька шшука Москаля одурышь.

Одже вышкнулось и сонечко. Тушь спалы рушаны и наши, що понаизжалы съ борошноомъ шо зъ Деркачивъ, шо зъ Вильшаной, ша булы ажъ изъ Коломака. Що шо, башечку! изъ якыхъ шо мисшцивъ на шой ярмарокъ не понавозылы усякого хлиба и борошна! шакы выдымо — не выдымо ихъ шупъ спояло! Колы сказапъ, що пидвидъ двадцашъ ихъ було, шо ей же шо Богу моему билшь. Хмара хмарою; опть що! Тушь и жышо, и овесь, и ячмень, и пшеныця, и гречка—

и усе, усе було. Прийшло, знаеш, уремя подушне зносышь, шакъ гроши усякому шреба. Нашъ брачыкъ не бабакъ; винъ жде поры: слава шоби Господы! винъ — нехай Богъ боронышь — не Москаль, шобъ ёму покынувшы жинку, дшпочокъ и худобоньку, ша зашою бидною копійчыною шляпысь по всёму билому свшпови, ша кровавымъ попомъ и заробляшы. Та чого шупъ и вередовашь? Колы вродывъ Богъ хлибця, ша давъ ёго зibraшы; шо й дожыдай покы прыйде нужда, шо якъ десяцьки у волосъ попягнушь и за подушне, и за общеспвённе; а шупъ жинка забажа лёну, шобъ на сорочки прясшы, ша новóго очинка, а дочкámъ плахонъ, або свышь, ша и усяка напасшь. посшыгне, шо прышьмомъ шреба грошей; шогди вже нигде дшпысь: везы хочъ вершовъ за двадцяшь, ша чы спала цина, чы не спала, а шы першого шоргу не кыдайся, за шо продавъ, — абыбъ довго не спояшы, ша й урывай до дому; ша якъ хочъ, шакъ и роцшышуй, шобъ и сюды и шуды спало. А якъ удовольвъ усихъ, опъ шогди вже справный козакъ! Лежы соби на печи, у прóси, покы до новой нужды; шогди жъ будемо й думашы, де шо узяшы.

Такъ опъ шаки-шо и понаизжамы, и ихъ вже и сонъ не бере. Сочечко зійшло, и вони посхоплювались, щобъ, знаеше, купця не вперяшь. Опъ шо гарненько повспававши, помолылись до церковъ Богу, ша й посламы одного видъ шабору по-воду, бо вже уремя було каши варышы. Попягъ Охримъ зъ двома боклагамы до крыныци, ажъ гешъ пидъ гору, ша йде вулицею.... Зыркь! — спойшь салдашь! — Охримъ бувъ соби парень звычайненькый, знявъ шапку, поклонывсь, ша й каз: добрыдень, господа службыый! А салдашь мовчышь; опъ винъ и пишовъ своею дорогою; а Кузьма Трохимовычъ усмихнувсь, ша й усомъ моргнувъ и подумавъ: одурывъ и своихъ; що шо далшь буде? — Ну! Набравшы Охримъ воды, ша йдучи до шабора, дума: оджежъ шупъ е пошой! Чы не шреба имъ, бувае, конямъ вивса, або якого борошна? Та якъ поривнявсь прошивъ салдацького папреша, ша й каз: „Господа Москаль! А скажише, будыше ласковы, вашому командѣрешву, колы шреба вивса, або якого борошна, шо нехай прыйдушъ, ось до шабора, ша спышаюшь Охрима Карлюченка; а въ мене овесець важненькый, чысшы; дешево виддамъ и мира людська: висимъ зъ верхомъ и шрычи по боку вдарышы. Пожалуспа жъ не за-

будьше; а могорычъ нашъ буде. Напачынь, кеше лышень понюхаймо кабаки.“ Сее кажучы, доспавъ изъ халавы рижокъ, посшукавъ объ каблукъ и выпрусывъ на ногошь; самъ понюхавъ, покрекшавъ, пиднись салдапу, ша ще й прыговорюе: „кабака гарна, перла жинка Ганна; спара машы, вчыла ии мяшы, дочки розшыралы, у рижкы насыпалы. Кабака важна, Вильшаньска; понюхайше, колы ласка паньска.“ Салдапъ ни чычыркъ, и усомъ не моргне. Не бораць Охримъ узявъ соби на розумъ: „цуръ ёму, — каз соби на думци: — щобъ ще по пыци не давъ, бо винъ на ше Москаль.“ — Пиднявши боклагы, ша мерщій до шабору, не оглядаючысь, ша й не похвалывсь шоварыспву, щобъ ще зъ ёго не спалы глузовашы. А Кузьма Трохымовычъ сее чувшы, ша ажъ за боки брався регочучы.

Покыжь сее діялось, пиднялысь на миспо йшы и бублейныцы, и палянышныцы, и ши' що кухлыкамы шшоно, а ложечкамы олию продаюшь. За нымы пидпунцемъ поспишамы зъ пырижкамы, печенымъ мясомъ, вареными хлякамы, горохяныкамы и усякымы ласоцамы, чого шилки душа забажа на снїданья. А шанокъ вела Явдоха Колупайчыха; молодыця гарна, не взявъ ии чорпъ:

чорнява, мордаша, шрошкы кырпашенька, шакъ за ше румьяна якъ рожа; и шакы одягна: очипокъ хочъ зовсимъ вышершый, а бувъ колысь парчевый; коужъ билыхъ смушкивъ пидъ шяжною и бабакомъ обложенный, шилки що диркы на нѣму скризъ и по пидъ рукамы, и на бокахъ, ша й видно було що и уся одежа на ній була не проспа, а мищанська, бо вона узяша була у Лыпци, ажъ изъ самисинького Харькова и не просшого, а мищанського роду; шушунъ набойчашый, спидныця каламайкова, шилки що не можно було угадашь якого воно цвишу, бо дуже було запачкано олією; вона бо пекла и бублыки, и сласпѣне, а около сѣго дила не можно чыспо ходышы, заразь вымажесся якъ чоршь, що до видьмы черезъ штрубу лазышь.

Ошь молодыци и крычашъ Явдоси: „а ну, паньмашко! выбирай мисшце: шы у насъ голова; де шы сядешъ, шо и мы быля шебе.“ Ошь Явдоха и узяла булку, ша не зъ своей коробки, спшала прошивъ сходъ сонця, шрычи перехрешылась, ша й покошыла ии по сонцю. Кошылась шая булка, кошылась, ша й не зъ опенылась нигде, а прямисинько докошылась до салдацького пашреша, ша шущъ и плюснула. — „Охъ мыни

лыхо,“ закрычали у водынь голосъ молодойци: „якъ шаки быля Москаля сидашь? Винь намь шакого лыха наробышь, що не шо що! У одной щыпне, у другой хвашне: ша шупь шаке буде, що и коробокъ не позбираемо. А ну лышень, Явдохо, выбирай друге миспце; може й не шакъ щаслыве буде, ша все шаки лучше, чымъ дапы Москалю орудовашы надъ нашимъ крамомъ.“

Перевела Явдоха свій цехъ черезъ дорогу; поворожила впьяшь другою чужою булкою и межъ свои положила; а де булка впала, шамь сама зъ своею коробкою сила, а молодойць розсадыла, де кому якъ по чързи прыпало; а чергу шу зробыла сама жь шаки Явдоха. О! ша й баба жь козырь була! Цокошуха, ша й цокошуха! — Узялася надъ усимы перекупкамы ошаманувашь; и видь десятицкыхъ, видь головы, ша й видь самого пысаря обороняшь, шилки щобъ уси перекупки ии слухалы, и що скаже, щобъ сполнялы, и чого попребуе, щобъ посшавлялы. Та нехай же бь и не послухавъ ий хпо? Такъ заразъ и нашлашь: або свыня бублыкы похвапá, або собака олю выпье, або пьяный пишкнешся, ша коробку перевёрне, а вже даромъ не прійде.

Тилки що молодьци любенько посадалы и жодна зь своимъ краомъ розпашовалась, якъ --- Тю! — Москаля чоршъ и вродывъ зь сповпцямы была ныхъ. Якъ же напўспюшця перекупкы на нёго! — „За чымъ шущъ спавъ? Пиды соби гешъ, спань де инше; не мишай шущъ православный поваръ продавашъ, а самъ иды хошъ до чоршивъ, кромѣ хлиба свяшого.“ Опъ якъ зашуркалы, зашуркалы ёго — бо звисно якъ наши молодьци, скилкы ихъ ни буде, шо якъ заговорюшъ уси разомъ у водынь голось, шакъ ничёго и не вшоропаешъ; мовъ на лопокахъ вода шумышь — а Москаль и байдуже; знай соби крычышь: гречишныкы гарячи!“ — Що шущъ на свиши робышы? — Опъ бачушъ молодьци шо не перелывкы, прысшалы до Явдохы: „Робы, шо знаешъ робы, а Москаля збўдь.“

Ничёго Явдоси робышы: узяла — и усе шакы не зь своей коробкы, бублыкывъ пры вязкы и пишла до пашреша, ша й далёбы шо правда! кланяешця мовъ живому, ша й просышь: „Ваше Благородіе! будыше ласковы, зведишь зь нашого миспця ошшого навиженого, капольцького, бусурменського Москаля, шо спавъ была бублейныць зь сповпцямы. Бачыше якъй!“ . . .

а сама зыркь назадъ, ажъ Москаль исчезнувъ, злякавшись, якъ побачывъ, що пишла на нѣго жалоба. Тогди Явдоха, перше що зрадовалась що Москаль ушикъ, а далибъ шо и бублыкивъ спало жалко виддавашь, колы дила не спало, ша й сама не зна що ий и робышь, ша шакы и совае бублыкы папрешу мовъ живому, ша й прыгово-рюе: „кеше, озьмише Ваше Благородіе! Пожалуйше; дома здасьшця.“ — Салдапъ ни пары зъ успъ. Якъ же роздывышця Явдоха, що се манá; що се хошь и салдапъ, ша не живый, а намалёваный — засоромылась, почервонила якъ ракъ, ша швыдче не оглядаючысь, видъ нѣго, ша бублыкы у свою коробку, и сила! Що вже ни пышала ий молодыци, що ий шамъ було видъ Москаля? Такъ мовчышь, ша й мовчышь; ша й кае: „Але! пидишь лышенъ самы, ша й спышайше.“ А Кузьма Трохымовычъ дывышысь на сее, сміавсь — сміавсь роби ныщечкомъ, ша й дума: „Опъ шакъ наши знай! Вже до насъ мовъ до живого зъ поклонамы прыходюшь; ныначе до Засидашеля.“

Ну! що шо зъ шого далшь буде? Опъ пымъ часомъ позиходылось народу на мисшо вже чы мало. Такы куды окомъ ни глянешь, шо усе люде — усе люде; якъ саранá у поли. И чого-

шо шуды не понано́сылы, або не понавóзылы? Таки шакый ярмарокъ, що ныначе у Харькови обь Пречыспій; усякого шовару, якого шилки подумашь, усе и ё. Чы грушь? Такъ и на возахъ груши, и въ мишкáхъ груши, и купамы груши по насыпани: прыйды, шоргуй; ша зь якои хочъ купы и скилко хочъ кушшуй, ништо шоби и не поборонышь. А шамъ Мóсква зь лапшямы, ша зь лыкамы; булы шамъ мыскы, ложки, шарилкы розмалёвани; булы й решёпа и ночовкы, джи, лопапы, сивци, черевыки, чобошы зь пидковамы, або шакъ шилки гвиздочкамы пидбыпи. Тушь Суздальци зь богамы, зь кыжжамы; а по быля сласпённыця зь грубкою: шилки спышай на скилки шоби шреба сласпёного, шакъ живо пидниме пелену, ша й зниме спару онучу, що ею горщыкъ зь шиспомъ покрышый, щобъ, знаешь, не просшывало на холоди; пальци послыше, щобъ шиспо не прышавало, ша й уцыпне шисша, ша на сковороду у волю, ша заразъ и пряжешь и подае; а вже олією не скупышця, бо шакъ зь пальцивъ и шече, шилки знай обсмокшуге. Тушь же быля неи була и кабака и шюшюнь; а шамъ зализный шоварь: пидковы, гвиздóчки, сокыры и усе, що шреба. А тушь лавкы зь краснымъ шоваромъ для Панивъ: спруко-

вашый перець на нышкахъ, родзынкі, хвыгы, цыбуля, слывы, горихы, мыло, медянычкі, грошови свичечкі, шараня по весни зъ Дону навезенная, и суха и солона; кавьярь. . . . Тупь яловычына, нижкі, головки и свынына для нашего брата. Дёгошь и въ шершвасахъ и въ мазныцяхъ, продавалысь и сами квачи; а по быля споялы бублыкі, буханци, грываныкі, у ночовочкахъ носыли печеню шмапками покрояну, на скилки шоби шреба, на спилкі и беры. А шамь купамы капуста, бурякі, морква огородня, а ханнѣи наши жинкі не продаюшь, а держушь про нужду, на нашу голову. Тупь же бувъ хринь, рипа, гаршолі, що вже швидко хлибъ свяшый зъ свиша Божого зженушь. . . Та яжь кажу: нема шого на-свиши, чого шамь не було; и якъ бы грошей до сына, накупывъ бы усёго, ша й ивъ бы цилый годъ.

Булы обидья, булы и колеса, вѣя, двѣяла, люшни. Булы свышы и прѣшого уразивського, и мыльного сукна; булы кожухы, поясы, шапкы, и козацькі и капелюхы. Бувъ и дивчачій шоварь: скиндячкі, сергы, баёвыи юпкы, плахшы, шыши рукава и хуспкы. Жиноцькі: очипкы, серпанкы, рушыныкы шыши и зъ мережкамы, греб-

ни, дныща, верешена. Була и силь шовчена и глына жовша....

А промежь шакои пропасшы шовару, що шо народу було! Крый Машы Божа! Ще прохи чы не билшь, нижь на воскресевые у вушпрени, якь Хрыспа дочышуюшца, або й на Иордани, шакь що прошовпышысь не можно. Той купуе, шой шоргуе, шой спорышь, шой шоварыспво склыка, шой на жинку гука, ши лаюшца, пи йдушь могорычи запывашь; спарци спиваюшь Лазаря, кобылы ржушь, шой возомь иде, ша крычышь: по глыну, по глыну! а на зуспричь ёму выкрыкае: по горшкы, по горшки! Перекупкы хвашаюшь за полы парубкивь, ша школяривь: „ходы сюды, дядюшка!“ Крычашь: возьмы умене Паныченьку. Опь бублыкы горяченьки, прямысинько зь печи; (а що ще зь пивночи ихь повыньмала, шакь про ше и мовчышь) ось у мене на самий оли, а вь мене зь мачкомь, ша-ша, ша-ша, ша й нерозберешь що воны шамь и крычашь. А шупь чумаць продавшы силь, що зь хурою прыйшовь зь Крыму, нанявь пройсшу музыку, ша й йде по ярмарци: скрыпкы рыпляшь, цымбалы брячашь, а самь чумаць иде за нымы, якь бувь у дорози и башижокь закънувь

за спыну, рукава у дѣгпянои сорочки позасучувавъ, ша й несе у водній руди повнисиный шпохвъ горилкы, а у другій руди чарку, ша кого здря, шакъ и часпуе; а якъ наливае, шо шакъ на доливку и лье, и не жалкуе. Якъ же поривнявсь прошивъ дигшяривъ, ша вздривъ шерипвась зъ дѣгшемъ, шо шакъ у нѣго и вскочывъ зъ чѣбошамы, ажъ вышче колина, ша й гукнувъ на хазяина: — „Видвичаю! Зважъ описля, скилки дѣгшо чобошы наберушь. — Гуляй душа у роскоши!“ — Та ще и спавъ ногамы шупошишы и дѣгшемъ позабрызкувавъ чы гало шупъ народу. А шамъ чупе ведмидь реве и шанцюе, а Цыганъ выкрыкуе: „а ну, Гаврылку, якъ сшаріи бабы пьяни валяющця!“ Цыганка ворожышь, ша прыговорюе: и щаслывый, уродливый; положи пъяпачка на рученьку, усю правду скажу. Цыганчаша халяндры шанцююшь, ша крычашь не своимъ голосомъ, мовъ чорпъ зъ ныхъ лыка дере. А шамъ Цыганъ шуды жъ зъ своею шкапою: знай божишця и жинкою и дишьми, ша проклына свою душу, и башька и маширь, а все за шымъ, щобъ спару, слипу, сапашу, и зъ выбышою ногою кобылу продашы за мисьць молодой. Та якъ обшупляшь нашего брата Цыганське навожденіе, шакъ не знаешь,

що й робышь. Якъ напустяшь мару, такъ самъ бачышь, що шкапа прѣхъ денежокъ не спѣишь, а ты шилки дывысся, ша лупаешь очыма и не знаешь куды видъ нихъ дышысь. Той божышца, другый шоби суне у руку оброшь съ шкапою, прешій шыгне зъ швоеи кышени хуспку, де гроши завязани, а сей вже здачу дае, ша уси гурпомъ волочущь пидъ яшку могорычи запывашы. Такъ що — яжъ кажу: помы схаменесся, дывысь: хошивъ свое ледащо продашы, а прокляши Цыганы усунулы шоби у руку шаку папыку, що й скипкамы гыдко узяшы, ша за шаку цину виддалы, щобъ можно було и вола купышь; ша ще за мойжъ гроши и горилку пылы, а дали, за мисць дякы, у вичи насміялысь: „шкапа швоя, чоловіче, кажущь, шрохы не добача, шакъ купы ій окуляры, ша й почепы на вичи, якъ Панычи у городиносяшь, шо ще пошыгне.“ . . .

Ошь шаке-шо шамъ було, що и розказашы усѣго не можно. И усякій народъ хшо шамъ ни бувъ, що йде были шого салдацького папреша, усякъ шапку зниме, ша й скаэ або: добрыдень! або: здрашвуйше, господа служба! — А служба ни чычыркъ: спойшь соби гарненько, и пальцемъ

не кывнѣ, и очыма не поведе, и у́сомь не моргне. Такы нихшо — нихшо не вгадавъ що по намалёваннѣй. А Кузьма Трохымовычъ сміався — сміався, регошався — регошався, а дали узався за боки, ша й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручки поскладавъ, ша й мовчышь сьдючи у свойй яшци, ша й дума: що по далшь буде.

Ажъ ось, де ни взявся салдапъ, ша вже спражній салдапъ и живисинькій, опъ якъ мы зъ вами. Ходышь винь по базарю, вызыра — вызыра — и вже одынъ рушнычокъ у молодычкы изъ купы и зплагнувъ, и въ кышеню запаковавъ; учыспывъ и бумажну хуспку у Чугуевкы, шаку що гывень шиспъ споишь; выдризавъ зъ воза и винокъ цыбули, и заразь за пивцины и продавъ, ша усе шакъ хыпро — мудро зробывъ, що ни жоденъ хазяинъ и не зчувсь. Дали прыйшовъ, де груши продають; бачышь, що пры возахъ сами хлопци, ша й ши ропы порозивлялы и дывлюпця на ведмедивъ. Винь шаки и положывъ руку на мишокъ; нихшо не баче. Пошягнувъ ёго до себе; нихшо не баче; положывъ на плече; нихшо не баче... ша не озыраючысь и чкурнувъ соби куды ёму шреба. Ажъ ось кынулось хазяйштво: бачушь що Мо-

скаль безъ спрося узявъ повнисинькій мишокъ грушъ, ша ѝ прешъ ёго мовъ свое; разомъ гукнулы на нёго, ша ѝ побиглы за нимъ на здогню. — Не хыпрый же ѝ Москаль! чымъ бы на вшикача, а винъ иде собы любенько, мишокъ зъ грушами несе, ша ѝ спива: *Малодка, малодка маладая!* — Ажъ шупшь ёго за мишокъ.... сипъ! — „На-що шы груши узявъ? сякый шакый сыну!“ пышающця ёго у водынь голосъ. Спощишь сердека, очи вывалывъ мовъ баранъ, дали озырнувсь, ша ѝ каэ: „нъшпа шо ваши груши-спа? — „Аджежъ не чйи, якъ наши.“ — А винъ якъ крыкне на ныхъ: „Ахъ вы, хахлы безмозглы!“ (А заразъ лаяшысь: щобъ шо на передъ розпышашы, ша шогдибъ вже и лаявсь скилки хошивъ, шакъ бачъ же: Московська вира шака!), „а за чымъ вы, каэ, мыни шогди не сказалы, какъ я съ воза мишокъ узявъ?“ Та до нихъ зъ пенею: „вы, каэ, зиваеше па спаранамъ, а я вошь нисъ, нисъ, да воша какъ умарылся, да амуницю пашёръ. Вошь вышь мундёръ запачкаль; давай сюда деньги на вычыспку.“ — Наше хозяйштво щобъ шо и сюды и шуды; шакъ дежъ! ни прыспуну, ша ще ѝ лае. А дали ухвапывъ за комиръ и шагне, и крымышъ: „давай на вычыспку, ша за праходку; я казённый мундёръ

папёръ и сапагы шапкавъ, давай да й полька.“—
 Наши ни выдохрыспюшця, ни выдмолюшця: цуръ
 шоби, кажущь, башечку! Здилай мылосць, гос-
 пода служба! озьмы соби и групи зъ мишкомъ,
 шилки видчепысь и пусшы! — Такъ де! Такъ
 репьяхомъ и узавсь и каэ: „Мынѣ чужово не на-
 да, не хачу вашихъ группь, а падай маё.“ — Що
 пушъ на-свиши робышы? — Ище шаки поду-
 малы сякъ-шакъ видвернушысь: хопилы ийшы
 до Волосного Правленія, шакъ Москаль не піи
 спива: „вонъ, говорышь, мая каманда“, ша й пока-
 зует на салдацькій папрешь: „пайдёмъ и къ нё-
 му.“ Наши бачущь що не перельвкы, спрашно!
 Кынулы ёму пьашыалпынного; — шакъ ни, каэ,
 веды до яшкы, посшавъ за проходку кваршу
 водкы. Ничого робышь: посшавылы, абыбъ од-
 чепывся, ша не вивъ до салдапа що зъ оружомъ
 споишь. Якъ же описеля розслухалы, ша розды-
 вылысь, и видгадалы що шо не живый, а нама-
 лёваный, шакъ ажъ объ полы рукамы вдарылы,
 ша — фийшь, фийшь! посвыспалы, ша й пишлы до
 возивъ. А Кузьма Трохымовычь у свойй яшци
 шакъ и качаешця зо смиху.

Уже було гешь-гешь, шупъ и дивчапа
 зибралысь ийшы на ярмарокъ; бо все пиджыда-

лы, щобъ поридшало народу на миспци, а шо якъ у писно́пи, шакъ думалы шо ихъ не шакъ розглядюшь. Ось и шыгнешця вызка ихъ, ша усе на пидборъ: одна видъ другои чорнявиша, одна видъ другои кра́ца. Порозряжувани шакъ шо Господы! Середу дня сонечко прыгрило, шакъ воно й шепленько; опть воны и повыхоплювалысь безъ свышокъ, а въ самыхъ баёвыхъ червоныхъ юпкахъ, шакъ-шакъ шо якъ макъ цвише! Скиндячки на головахъ усе по-Харькивськи полбжени, косы у дрибушки позаплишовани и жовшымы гвоздыками, любыспкомъ, чорнобрывцямы и мяною позаквичувани; у сорочо́къ рука́ва и пидпечкы повышывани, ша повымережувани; на шыяхъ намыспа у кожної разкивъ по десяць, колы ще не билшь, ажъ шыю гне; золопи дукашы, ша срибни хреспы шакъ и ссяюшь; плахшы́ карпаццки, запаскы и шовкови и колисчаспы, поясы каламайкови; ша уси якъ одна у червоныхъ червычкахъ, и въ билыхъ, ша въ сынихъ нанчишкахъ. А за диломъ же воны й выйшлы? а якже? Выпришкывъ куповапы, ша щобъ чы не пожаршуюшь парубкы зъ нымы; вже звысна дивчача нашура, хочъ у Пансшви, хочъ у мужицшви.

Опть ходюшь по ярманку, де шо соби выгадюють и регочущя, якъ одна зыркь!... спо-

ишь салдашь! — „Дивчашка! — каэ ныщечкомъ: „див-
 вишесь; у насъ поспой; салдашы!“ — „Брешышь!
 де шы ихъ уздрила?“ пышающця ии и розгляда-
 юшь усюды. — „Та онде, онде была дигшярной
 лавкы спойшь зъ оружомъ калавурный!“ —
 „Такъ и ё!“ — гукнулы уси, ша й почалы, по
 щибешашы, по сміяшысь, зъ мисщця на мисщце
 переходюшь, ша одна другу пха, по буцимъ
 спопыкающця, щобъ салдашь до ныхъ озырнувсь,
 ша зачепывъ бы копру изъ ныхъ; опъ шущъ бы
 имъ и пишла лахва, шущъ бы воны и сшалы ёго
 роспышовашы: чы шущъ проходомъ, чы поспо-
 емъ? опъ шущъ бы ёму и сказалы, щобъ зъ шо-
 варышвомъ прыходылы до ныхъ на вечерныци,
 бо вже воны дуже давно бачылы що пушнѣ, а
 свои парубкы оспылы и обрыды.

Опъ и вызвалась зъ ныхъ Домаха и каэ-
 говорышь: „А прывайше лышень: я пиду побыля
 ёго. Та вже не я буду, щобъ вишь мене не заче-
 пывъ; ось дивишесь лышень; ша глядишь, колы
 треба буде, по видкыкайшесь до мене.“ — Опъ
 и пишла, буцимъ по и не вона. То сюды, по
 шуды озырнешця, ша писеньки пидъ нись соби
 мугыче, по хуспощкою помахуе, по нахылышця
 пидввязку пидввязовашы; опъ вже и до салдаша

доходышь, ша ныначе зъ кымъ нѣбудь и розмовляе: „де-шо шупь шпалѣры, ша шумыха продаешця? колы бѣ мыни хшо показавъ?“ ша й заспива соби нышкомъ, . . . О! що по вже за дивка! Вона не знала якъ пидь кого пидвернушысь? Вона не вмила якъ кому прышвы прышышы? — Ге! и проворна, и жаршовлыва була, ша шаки и свиша выдала: бо ажъ два года у Харькови по мойкамъ заробляла, шакъ їи вже не вчышы; усе знала!

Якъ побачылы подругы, що вона вже блызесынько видь салдаша, а винь ище їи не зачипа, мабошь не бачышь, ша й гукнулы до неи разомъ: „А куды шы, Домахо, пишла?“ — А вона быля салдаша споишь и хуспочною махае, а сама шаки голосно крычышь: — „Ось куплю шумыхы на квипкы', колы якый чоршь не перепыне!“ — А нашъ салдашь споишь! Ни зачипляе, ни перепыняе и ни чымъ їи не заньмае. — „Що за недобра машы!“ думает Домаха: „шаки быля самисынького ёго йшла, а винь мене и не займа; хыба не сміе, чы що? — Та вжежь вернусь ще.“ — Опшь и вернулася, и шаки быля самисынькихъ нигъ ёго йде, и впусшила хуспку буцимъ не знарокомъ, думаячы, що салдашь гукне на неи

щобъ вернулась и пидняла хустку; опшь шупшь вона зъ нымъ и заговорышь, опшь и дожаршуюшь; а шамъ и пидушь лады... Не зъ чорна жъ хыпра й Домаха!... Такъ щожъ бо? — Лежышь хустка, а салдаць и волосомъ не двыгне. — Спала наша Домаха, ша й оглядаешця и каэ голосно: „Охъ мыни лыхо!... загубыла хустку... колы бъ хщо пиднявъ, ша виддавъ, шо я вже знаю, якъ бы ёму подяковала!“ —

Озыраешця сердешна и погляда изъ пидлибья. Та ба! Споишь салдаць и на хустку й не двышця. — Нигде Домаси дышысь: преба вершашысь! — Опшь бы шо и пидбига, и выжыда, и каэ, и говорышь: „Опшь беда! лежышь моя хусточка бия самисинького салдаца: якъ шупшь узяшы?... Я боюсь, щобъ винь мене не вхопывъ, або зъ оружжа не заспрелывъ!“ — Пидйшла; — и нахыляешця и ненахыляешця, и беребъ шо й не бере, а усе выжыдае салдаца... шакъ щожъ бо? — Не на шакого наскочыла!... Дали нахылылась, и проспяга руку ныначе не вшы, а сама усе двышця на него; а дали якъ прыдывылась... якъ зарегочешця на всю вулицю... а дивчаша и видизвалысь до неи: — „А шо винь шоби шамъ говорышь? Домахó — Домáхо;

Ну бо кажы, що говорышь?“... „Але! говорышь!“ — крычышь Домаха, ша скилки зря вид- шиль, ша за смихомъ и слова не вы́мовышь.

„Що... що шаке... що винъ шоби ка- завъ?“ — обшупывшы дивчапа Домаху, у во- дынь голось вышышуюшь. — „Эге! що казавъ? — каэ Домаха: ша шо не жывый, шо ёго парсу- на.“ — „Ё!“ гукнулы дивчапа и пидбиглы розгля- дашы... ажъ справды намалёваный. Регошалысь— регошалысь, выгадовалы де що, ша й пищлы гешь по ярмарку. А сее чувшы и багашо де хпо пидходылы вже небоячысь; розглядяшся, розды- вялщя, ша й скажущь: „шакъ и ё, що намалё- ваный!“ — ша й пидушь соби.

Сміявсь - сміявсь Кузьма Трохымовычъ, а дали й подумавъ, що вже пора знимашы свого салдаша, ша на визь укладашы и чурхашы до дому, ажъ ось почувъ крыкъ, галась, шупошню, регишь, писни, сонилку... ша й прысивъ у яшци.

То наступало парубоцство: шевчыкы, крав- чыкы, ковали, свышныкы, ганчари и зо усякого ремесхва бурлацшво, наймышы видъ хозяйштва, башьковы сыны — зибралыся усї на ярмарци погуляшь. Хпо попродавъ свїй шоваръ, а хпо

покупывши чого ёму було преба ище зранку, и попившы могорычи, шеперь попидголювавшысь любенько, понадивалы: хпо нову свышу, хпо кышаѳву юпку, хпо ще башькивськїй, хочь и спаренькый, ша жупань, попидперизовавшысь шпéшненько хпо каламайковымъ, а хпо й су-
конными поясамы, понадивалы на пидголени головы шапки козацьки, зь решепиливськыхъ смун-
кивъ зь червоными сукняными верхамы, у шя-
жыновыхъ шпаняхъ, у чобобахъ зь пидбора-
мы юхшовыхъ, а хпо й пакъ у шкаповыхъ, ша
шакъ повымазуваннхъ, що дёгошь пакъ зь ныхъ
и шече, а пидковы проха не на пядь. — Опшь
позакручувавшы ўсы, идушь лавою, шилки зь
боку на бикъ перевалюющця, рукамы розмаху-
юшь, люльки шягнушь, и що ё голосу, ажъ жму-
ряшця, ша спиваюшь Московськои писни: *При-
даньмусьци стояла*: и де йдушь, шо пакъ видь
ныхъ люде и розсшупающця, бо вже не попа-
дайся имъ на дорози нихпо: чы перекупкы зь
коробкамы, чы Москаль зь квасомъ, чы слипци
зь поводапаремъ, чы баба спара, чы дивка мо-
лода имъ на зусшричь, никому нема розбору,
невважаюшь никого, шакъ усякого прямо лавою
и прущь, и валяюшь; — а самы й байдуже: ни-

наче й не бачушь ничого и буцимъ - шо й не воны.

Опце шо воны зазрившы дивчашъ, пошягнулы зя нымы, щобъ шакъ спиною на ныхъ и напершы, а якъ воны розбижашця, шакъ шупъ и ловышы, и пожаршовашь зъ нымы, и поженыхапысь... Звисно молодецьке, парубоцьке дило! — А щобъ ихъ хшо могъ зопынышы? — Ну, ну! — Ни, кусала шака. Воны усею громадою не разъ и самому пысарю давалы шакои пынхвы, що насылу прочхавсь; а десяцьки, шакъ-шакъ видъ ныхъ и ховающя по пидъ плошамы. Такъ шупъ вже ничого! — Нехай — каа — Хлопци нагуляющя; билшь копы лыха не наробляшь.

Одже шо якъ накнулы окомъ на дивчашъ, и йдушь воны по быля мадѣваного салдаша, а ихъ вашажокъ, Терешко швецъ, знявъ передъ нымъ шапку, ша й каэ: *Здрастуйте, господа служба!*... Тушь якъ зарегочешця народъ и перекупкы, и купци, и ши що пры возахъ, ша якъ крыкнушь на нѣго: — „Тюшю, дурный! — ша шо намалѣванный. Хыба шоби повылазыло? Оп-шо оглашенный! Не розбере!“...

Напикъ же панъ Терешко ракивъ, якъ и самъ розглядивъ, що справды салдашъ намалѣван-

ный и що увесь базарь зъ него глузуюе!... — „Теперь, дума сердека, не буде мыни прѣсвишкы: будущь мыни сміяшысь и будущь незнашь що черезъ сее прыкладовашы. — Ё не ё! що пущь мыни на свиси робышы?“ — Споишь, зажурывсь, ша й дума. А дали зхаменувся, ша й зарегошавсь. — „Буцимь. по — каэ-говоришь: — я и не бачывь, що се не живой, ащо се шилки папрешь! — А поклонывсь ёму зашымь, щобь подрашовашь зъ маляра: чы шакь же по й малюють? О бодай ёго мара малёвала! — Се и слипый розглядышь, що се папрешь, а не живой чоловікь. Хыба пущь булы шаки дурни, що прыймалы ёго за живого? Не знаю — Тфу! ша чор-зна що й надряпано. Дивишесь, люде добри! хыба шакь шьещя чобись? — Я швецъ на все село, шакь я вже знаю, що халява ось якъ бува (ша й сшавь пальцемь по папрешу надряповашы); ошь и въ пидборахъ брехня; ша й пидьёмь не шакь.... ша шакы и усе не шакь. Цурь ёму; пайдёмь; хлопци, далшь. — Намалёвавъ же якыйсь-шо дурень!“ — Ошь и пищлы соби своею дорогою.

Та й закрушывъ же носомъ нашъ Кузьма Трохымовычъ, ныначе шершого хрину пою-

хавь! — Зъ биса жъ бо ёму досадно спало, що у весь базарь, и що по на миспи народу було, шаки, мабоше, душъ зъ пьядесяшь, колы ще не билшь, ша уси жъ по до единого, уси не пизналы що салдашь намалёванный, а думалы що жывый, а шупшь чорпшь ёго зна видкыля узявсь швецъ, ша й закепковавъ ёго робошу ни на што. „Се вже — каэ соби: — курамъ буде на смихъ. Я шаки, правди, объ чобобахъ не дуже й доглядавсь; може воно що не будъ и не шакъ. Я шилки и спаравсь щобъ ёму шварь, и сáмъ винь увесь, и мундёръ, и оружжо, щобъ такъ було нынче живе; а объ чобобахъ и байдуже; бо недумавъ, щобъ хпо вже шуды спавъ доглядашысь, де й нужды мало и куды не усякъ и дывыпця. — Нехай же шакъ буде, якъ швецъ каэ; перемалюю, щобъ и ёго уконшеншовашы, и щобъ ни якого хвалшу не було у мои робоши.“

Ничого ёму робышь: вылизъ изъ своей яшки, досшавъ палипру зъ краскамы и пензиль, пидмалёвавъ якъ шамъ швецъ надряпавъ, ша й опьяшь полизъ и каэ: „Нехай; пидожду поky краска пидсохне, а шамъ и вбирашемуса до дому. Теперь швецъ не скаже, що не шакъ чобишь намалёванный.“ —

Ажъ, гулькь! — Терешко зъ парубкамы, не догнавши дивчашъ, вернулись на переймы, и йдушь опьяшь по билия салдацького папреша. Ось одынь парубокъ и розглядивъ ёго, ша й каа: — „Дывысь, Терешку! послухавъ шебе маляръ, шаки перемалювавъ чобишь, якъ пы сказавъ.“ — „Эге! — ищебъ шо не послухавъ — каа Терешко, пидсунувшы папку на саме шимья и узавшысь у боки: — *Я вже сылу знаю и заразъ побачу, що не до шмыгы.*“ — А якъ же ёму и досе досадно було и на маляра, и на папрешъ, що черезъ ныхъ довго ёму будушь сміяшысь, опъ и думавъ щё шаки за нехаяшь ёго, щобъ маляра зо всимъ збышы зъ панпалыку; по свыспавши й каа: „Опъ и сёго не зперцю, скажу, бо вже бачу що не шакъ. Чобошы якъ чобошы; шакъ мундѣрь на нёму не шуды дывыпця: шреба щобъ рукава ось шакъ“ . . . — *А зась не знаешъ? — обизвавсь Кузьма Трохымовычъ изъ своей япки: — „Швецъ! знай свое шевство, а у кравецтво не мишайсь!“*

Якъ же зарегочешця увесь базарь слушаючы сюю кумедью и що якъ Кузьма Трохымовычъ выдризавъ Терешку шевцю! Якъ пиднялы ёго на смихъ! Регошалысь зъ нёго, регошалысь, ша

шакъ же шо, далеби, що не шо що, що ажъ за ричкою чуше було. А Терешко нашъ якъ пошяг-не не оглядуючысь, ша ажъ забигъ не знашь куды. Кузьма жъ Трохымовычъ пыхенько соби по-смѣявшысь, ша зибравшысь, поихавъ зъ папрешомъ до своего Пана, ша по уговору, грошыкы и горилочку зъ нѣго зчыспывъ, ша й правъ. Ярмарокъ розійшовсь; пилки вже Терешкови вирвалась нышка верховодышы хочъ на вулицы, або на вечерныцяхъ, або и у шинку. Тилки що за баянпрасышь, а шупъ ёму хпо небудъ и вриже:

„Швецъ! знай свое шевство, а у кравецтво не мишайсь!“

— шо шакъ языкъ и прыкусышь — и вже ни чычыркъ. —

Опъ и вся.

УКРАИНСКОЕ УТРО.

(Отрывокъ.)

=

.... Чы довга ничь у насъ на клечалный не-
дили? — Вечирня зоря ще не погасне, а свишова
вже и заньмаещя; блысне *Визь* (*), ша вже до-
копывшысь до сходь сонця.

Ошь и шеперь: шилки що зирочки засялы
у Бога мылосердного на небесахъ, шилки що
розвишылысь, ша й по не зовсимъ ясно, а ны-
наче скрызъ серпанокъ, — соловейко зпыхъ,
вишерець заснувь и гилочки по садкамъ дринаю-
чы ледве-ледве колышушця, шилки й чупе що
черезъ греблю, на лопокахъ водыця цидышця и

(*) *Возъ* — Большая медвѣдица или Колесница.

мовъ хпо ныщечкомъ казку каже, що пакъ и дримаешця, а по усюды пыхесенько... Ажъ ось — не довго: — зирочка покошылась... дали друга... шрепя... и поховалысь у сынѣму неби, мовъ у мори канулы, а прощаючысь зъ землю, прошки зплакнулы... опть видъ ихъ слизонѣкъ пала роса на землю. Канула крапелька, зашелестило у аери и прокынувся вишырець, па й покодыхавъ шыхенько гилоткы по садкамъ, па по лискамъ... опть и попрокыдалысь пшычи самочкы, лупнулы очыцямы, зацмокалы носыкамы... шупть зараць ихъ сѣмчыкы що быля ныхъ дрималы, попробуркувалысь, и зъ радощивъ — що наспае впьяшь Божій день и воны будушь зъ своимы самычками липашы, грапшысь, любышысь, и що може яка и ячко знесе — зъ пакыхъ-по радощивъ заспывалы своихъ писевѣкъ, що рано й вечиръ хваляшь Господа Небесного, Опця, мылосердного якъ чоловикови, пакъ усякому звирю, пшыци, па й самій манюсиньцій компаньци що й окомъ не вздрышь. А не хпо вже выспивувать, якъ соловейко! — Защебевать, залящавъ, зачыркавъ, засвыспавъ, заприщавъ... по зшыхне, ниби пошепче свой самочи якъ їи любышь, а якъ и вона ёму шежь скаже и похваля ёго писенькы, по зъ радощивъ гукне на увесь са-

докъ . . . а якъ носычкамы поцилюющця . . . шупть винь вже и незпямыщця! Зажмурыщця, защебече, заперчышь, що ажъ нынче охрыпне, ша знову ще дужче лясне, шо задрыбоче, що ажъ духъ ёму запираешця . . . ша всежь шо шакъ гарно, шакъ гарно, шо розказашы не можно, а на души весело!

Опть и на берегахъ лыспя зашупошили промежь себе, що й воны по ласци Божій будушь красовашысь на ясному сонечку. Зхаменулась справонька, якъ зкропыла ии небесная рисочка; пиднялысь шебелынкы, розлукалысь квишочки и порозивавшы рипочки свои, надыхалы на усю долину шакымъ пахомъ, що почувшы ёго, забудешь про усе и шилки здыхнувшы, подумаешь: — Боже мылосердный! Опець нашъ небесный! И се усе, що шилки ё на земли, у води, пидъ небесамы, се усе Ты, шилки по единому мылосердыю Своему для чоловика сотворыль есы? А винь, сее мызернее созданые, ся былына, ся пыль и порошына, чы винь же Тоби благодарышь? и якъ? . . . О Боже праведный! Буды и усегда мылоспывъ намъ гришнымъ! — Билшь сёго невміемо що и сказашь. . . .

Опть и риденый шуманецъ пагъ на ричечку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонь-

кы, — и укупи зъ нею побиглы ховапысь межъ крупымы берегамы. Дали и хмарочки спалы розходышысь, поридчалы и спалы звершашысь купкамы мовъ клубочки; розспунашысь щобъ дашы дорогу для якогось пышного, важного госця, ниби царя якого, діющого добро усёму мыру — и покошылысь гешь-гешь за крупыи горы, щобъ шилки видпыля дывышыся на ше, що шупъ буде! . . . Ось и зачервонило на шій дорози, де ёму шреба йшы и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынь красне; дали, ныначе срибляи квшкы по нёму хпо посыпавъ; а шупъ и увесь пупъ спавъ, мовъ золошымъ пискомъ по червоному полю посыпаний . . . Зазолопылысь и верхивья деревъ по лисамъ . . . и ось золошый по нихъ писокъ сыплещя по дереву ныжче, усе ныжче, ныжче . . . Усе зшыхло . . . чогось жде! . . . Спало выныряшь изъ-за земли . . . що? — И свишь, и огонь, и краса . . . и вже и на краёкъ его не можно зырну́шы окомъ, щожъ буде якъ усе явишця мыру? . . . И золопи прóмыны видъ нёго обсыпалы усю землю, и самыи небеса спалы ниби ище краще. — Усе мовчышь, жада, щобъ швядче явылася у повни краса мыру! . . . Идешъ — выкопылося зо всимъ — озырнуло усю землю и ныначе повеливало: „Хвалише Господа, що создавъ и мене, и васъ; и

кожний день посыла́ мене давашь усѣму миру свишть, и усякому дыханію жызшь.“... Тупшь зно́ва ппашечкы ныначе по чыему наученью защебешалы, усе мовъ знова ожыло, чоловикъ зновъ прынявсь за дило свое... и що шо: увесь миръ израдовався!

Грыцько Основьяненко.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ЗАПОРОЖСКІЯ ПѢСНИ.

=

I.

Надеробная пѣснь Свирговскому.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоритъ о Гешманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Баншышъ - Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблина, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ онъ — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя неприимимымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предѣспника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладашацемъ Таври-

ды и Сулшаномъ (И. М. Р. I. 131).— Іоаннь Армянинъ Воевода Молдавскій, въ 1575 г. просиль у Поляковъ помощи прошиву Волоховъ, Турокъ и Ташаръ, кои соединенными ордами нападали на Молдавію. Поляки, заняшыя въ шо время распрями междоцарспвія, опказали въ помощи. Тогда Іоаннь обратился къ другу своему Гешману Свирговскому. (И. Г. II. II. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣспрѣ — говориль Конисскій — онь совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апрелья 1575 г., полониль главнаго Пашу ихъ Кара-Мустафу и другихъ чиновниковъ, и опсправиль ихъ съ прочими добычами въ Варшаву. Послѣ сей побѣды Гешманъ раздѣлиль свои войска на двое, и одну часпъ подѣ начальспвомъ Полковника Саввы Ганжи опсправиль къ Бухареспту, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. Между тѣмъ послалъ нарочнаго въ Сѣчь къ Кошевому Ѳедору Покошилѣ, чшо-бы онь выслалъ пѣхошу на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ недопускашь высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣспрѣ. Кошевой выправиль сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Запорожцы перехватили въ успяхъ обихъ рѣкъ и на морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай, разорили и выжгли крѣпостцы и жилища. Гешманъ и Ганжи, проходя Молдавію и Валахію, счастливо разбивали неприятелей. Очистивъ сію землю опъ нашеспвія Турокъ, поворошили они опъ Дуная къ Бессарабіи; но подѣ городомъ Киліей (1) былъ Свир-

говскій предапельскимъ образомъ извѣщенъ ошъ Армянина, что въ городѣ храняшся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удаляшся, что-бы опсправить ихъ въ Турцію (2). Гешманъ рѣшился осадить и взять Килию. Едва онъ началъ екоропоспижную атаку, какъ взорванныя ошъ Турковъ съ прехъ сторонъ мины, подняли Гешмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрытыхъ мѣспяхъ Турки, напали на нихъ, перерѣзали многихъ Козаковъ. Оспальные разбѣжались, и долго скишаясь по Молдавіи, нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ ворошились въ свои границы (3).

 I.

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свирговського Гешмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали.

III.

Ой, голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вѣщали;

IV.

Та у сурьмы вийгравали,
Зъ ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара спягала,
Що воронѣвъ ключа набѣгала,

VI.

По Украинѣ шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой, Украина сумовала,
Свого Гешьмана оплакала.

VIII.

Тодѣ буйны вѣшры завывали.
— Де-жь вы нашого Гешьмана сподѣвали?

IX.

Тодѣ кречешы налѣпали.
— Де-жь вы нашого Гешьмана жалковали?

X.

Тодѣ орлы загомонили.
— Де-жь вы нашого Гешьмана зхоронили?

ХІ.

Тодѣ жаворонки повилися.

— Де-жь вы изъ нашимъ Гешманомъ про-
спилися?

ХІІ.

— У глѣбокѣй у могилѣ,
Бѣля города, бѣля Килии,
На Турецкѣй линіи.

Переводъ.

Когда Пана Ивана, Гешмана Свиргов-
скаго,

Плѣнили невѣрные, шогда опрубили ему
голову.

И, снявши съ него голову, вѣшали ее на
бунчукъ (4);

И играли въ прубы и насмѣхались надъ
нимъ.

Тогда съ юга пошняулась шуча, будшо
налешала спая вороновъ;

И разсыпала она по Украинѣ шуманы,
и горевала Украина:

Горевала Украина, оплакивая своего Геш-
мана.

Тогда завывали буйные вѣпры: — гдѣ-же вы оставили нашего Гешмана? —

Тогда налепали соколы: — гдѣ-же вы шутили по нашемъ Гешманѣ? —

Тогда зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоронили нашего Гешмана? —

Тогда взвились жаворонки: — гдѣ же вы проспились съ нашимъ Гешманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Киліа, на Турецкой линіи (5).

Примѣчанія.

1) *Килія* — древній *Ликостромъ*. — *Killa* — Турецкій городъ, окруженъ каменною стѣною съ конгръ-эскарпомъ. Замокъ Килійскій лежитъ выше города, при Дунаѣ, на милію ошь усшья. На прошивоположномъ берегу находится спарая Килія съ древними развалинами. Боплана Опис. Украины. С. П. Б. 1832. 33. На сѣверномъ усшьѣ Дуная. Торговое мѣсто. Жилили разныхъ племень. Каншемяра, Опис. Молд. Гл. 4. —

2) Кого должно здѣсь разумѣть подь Армяниномъ, просшаго ли Армянина или Господаря?

3) Другія Лѣшописи описываютъ походъ и смершь Свирговскаго слишкомъ крапко. — Описание Энгеля прошиворѣчишь Конисскому. Энгель пишешъ, что Свирговскій присоединилъ къ

Козакамъ 6.000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадою Браилова; однако хопя и побѣдилъ Турковъ близъ сего города, но его самого не взялъ. Попомъ, соединившись съ другимъ прехтысячнымъ опрядомъ войска Молдаванскаго, въ другой разъ разбилъ Турковъ, и положилъ намѣстѣ 7.000 враговъ. Послѣ шрешней бишвы, въ которую взяно было въ плѣнъ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили путь къ Акерману, сожгли половину предмѣспія сего города и возвратились въ Молдавію. На послѣдней бишвѣ взяно въ плѣнъ и замученъ Іоаннъ Армянинъ. Козаки всѣ пали на мѣстѣ бишвы, исключая очень немногихъ. Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ. Engel's, Gesch. d. Ukr. 72 — 74.

4) *Бунчукъ* — шеспъ, украшенный сверху золошымъ шарикомъ, около коего прикрѣпляется небольшое знамя и конскій хвостъ, иногда два хвоста, иногда и болѣе. Сей знакъ искони упошреблялся Турками, и ошъ нихъ перешель къ Запорожцамъ.

Происхождение бунчуковъ ошносится ко временамъ Абубекра, наслѣдника Мугаммедова. Проигравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ ошпавленъ былъ войсками, кои разбѣжались во всѣ спороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ средшво соединить ихъ: взялъ длинный шеспъ, и не имѣя въ рукахъ ничего шакого, чшо-бы могло издали подашъ знакъ, ошрубилъ у-коня своего хвостъ; пошомъ привязалъ его къ концу шеспа, и началъ имъ махашъ во всѣ спороны. Войска, завидя знакъ сошыва, сбѣжались къ предводителю, и соединенными силами, разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, ш. е. конскій хвостъ здѣлался почещ-

нымъ знаменемъ Мугаммеданскаго войска. Изв.
о Тур. Имп. 139 — 140.

5) Чшо значипь выраженіе въ сей пѣснѣ: *на
Турецкой линіи*? — Вѣрояшно шамъ пролегла
граница Турецкихъ владѣній. —

II.

Сожженіе Могилева.

Обстоятельство, о которомъ говорится въ сей пѣснѣ, принадлежишь къ 1596 году, шоль славному въ Лѣтописяхъ Украинскихъ. То была година возстанія Запорожцевъ противу Поляковъ, которыхъ полчища бродили по беззащитной Украинѣ, сожигая города и села, грабя жишелей, — и всѣ неисповсва производя подь предлогомъ соединенія Церквей Воспочной и Западной, подь предлогомъ Уніи. Битвы Пяшковская (1) и Чигринская (2) доспапочно показали Полякамъ, съ кѣмъ имѣли они дѣло: и Кашолики и Уніапы извѣдали погда всю яроспѣ мщенія Запорожцевъ, кошерые не шолько поражали ихъ на сраженіяхъ, не шолько подвергали ихъ люшѣйшимъ мученіямъ въ плѣну, но даже не жалѣли собспвенныхъ крововъ своихъ, равнодушно предавали ихъ огню и мечу, имѣя въ виду одну мысль, одно желаніе — очистишь Украину ошъ Уніи — какъ выразился одинъ Лѣтонисецъ — какъ ошъ заразы, кошорая гошова была пожрапѣ эшу спрану, незадолго предь шѣмъ, шоль счастливую своимъ благососпояніемъ. Такимъ образомъ Гешманъ Наливайко — пишешъ Конисскій — принужденъ былъ два города свои: *Могилевъ надъ Днѣпромъ* и Слуцкъ надъ Случью, запершіеся съ сильными гарнизонами Польскими и многими Уніашскими чиновниками, сильныя вылазки дѣлающими, доспавашъ шшурмомъ; при чемъ

оба города сожжены и разворены были до основанія, а Поляки выбишы до послѣдняго. —

I.

Ой у городѣ Могилевѣ
Дымомъ пошягнуло,
Якъ шо вѣйсько Запорожське
Зъ гармань ша ревнуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та спалося пушо,
Якъ повѣяли Козаки
Зъ самоналѣвъ гушо.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы ша гадюки;
Ляшськимъ шѣломъ годуюшься,
Ляшську шѣлу радууюшься.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни ша колоды:
Прилучилося, бачь, лихо
Ляшськѣй породѣ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ шая позора,
Що ходишь ша по бѣлу свѣшу
Зь двора ша до двора.

VI.

Не такъ шая позора
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину (3) шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Вѣдь Гешьмана Наливайка,
Шановного Пана.

Переводъ.

Дымомъ облекся городъ Могилевъ, когда
въ войскѣ Запорожскомъ разразилися пушки.

Опуспѣлъ городъ Могилевъ, когда Козаки
гуспо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ оспались одни орлы и змѣи. Они кормящся Польскими шрупами; они радующся Польскимъ шрупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ оспались одни пни и колоды. Вѣрно, бѣда случилась съ племенемъ Польскимъ.

Не сполько бѣда, сколько безславіе; оно блуждаешъ шеперь по бѣлому свѣшу опъ двора ко двору.

Не шакъ велико безславіе, какъ велика радосшь Козаковъ: уважая Запорожцевъ, несчасіе дало знашь себя Полякамъ.

Несчасіе дало знашь себя Полякамъ съ раняго ушра чрезъ нашего славнаго Пана, Гешмана Наливайка.

Примѣчанія.

1) *Битва Пятковская* — подъ мѣспечкомъ Пяшкою — бишва хошя и несчаспная для Козаковъ, ибо на оной пало 3.000 храбрыхъ, и вмѣстѣ съ ними Гешманъ Косинскій; но шѣмъ не мѣнѣе чрезвычайпо важная, какъ первая, на кошорой Козаки показали Полякамъ свою храбросшь и могущество. Lubiens. Op. Posth. Antverp. 1643. p. 3.

2) *Чигиринская битва* — 1596 — по инымъ 1597. — Въ шо время Духовенство Уніашское

посылало повсюду окружныя посланія свои, въ которыхъ увѣщевало народъ признавать Папу за Главу церкви, угрожая непокорнымъ анаемой и оплученіемъ отъ церкви, — и между тѣмъ перемѣняло антимиссы и шребники церковные, выдумывало обряды для прославленія Папы. Войска Жолкевскаго должны были помогать Духовенству, будучи распавлены въ городахъ и мѣстечкахъ при всѣхъ важнѣйшихъ церквахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ преклонять колѣна и бить въ грудь по обряду Римскому, а при чтеніи Символа вѣры прибавлять извѣстное Римское рѣченіе о Св. Духѣ, угрожая рубить безъ пощады тѣхъ, кои вздумаютъ неповиноваться. Наконецъ Гешманскіе посланцы, развозившіе по городамъ универсалы, были Поляками иныя поруганы, иныя побиты, иныя изгнаны съ безчестіемъ.

Все это заставило Наливайку вооружиться, и онъ, узнавши, что Жолкевскій съ войскомъ своимъ намѣренъ занять Черкасы, Каневъ и Терехшемировъ, повелѣлъ войску Запорожскому собираться къ Чигрину.

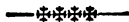
Наливайко раздѣлилъ войска свои на три части: самъ принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ, лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ, а правое Полковнику Лободѣ, и около самага Чигрина, по берегу рѣки Тясмина, окончался ровомъ и валомъ. Все войско Запорожское, здѣсь бывшее, простиралось до 20.000 человекъ, исключая опрядовъ Гайдомацкихъ, которые расположились шаборомъ не по далеку отъ окоповъ, и прикрыли свои ряды пушками.

Поляки, разбивши опряды Гайдомарковъ, защищавшіе Каневскія Козацкія поселенія подъ на-

чальшвомъ двухъ Тешерь: опца и сына, — двинулись къ Чигрину, — и окопались насупровивъ Козацкихъ окоповъ. Наливайко, перѣшаясь самъ начашь дѣло, ожидавъ призывной вѣспи къ бишвѣ опъ Гешмана Жолкевскаго, и ожидавъ не долго. Поляки, пылая бѣшеншвомъ на Запорожцевъ, и желая успрашить ихъ, выславили близъ шанцевъ своихъ шри креса, и на нихъ повѣсили шрехъ спаршинъ Запорожскихъ, взяпыхъ въ плѣнь на бишвѣ Каневской, Богуна, Войновича и Сувьгу, съ надписью: — „Кара буншовцевъ!“ — Наливайко въ опвѣшъ на сигналъ сей, пославилъ на возвышенномъ мѣспѣ шри бѣлыя крещашья хоругви, на кошорыхъ былъ девизъ: — „Миръ Христіаншву, а на начинающаго Богъ и Его кресъ!“ И немедленно послѣ сего началось нападеніе Поляковъ на спанъ Козацкій, и обопольная пальба изъ орудій. Тогда Наливайко двинулъ свои опряды Гайдомацкіе въ самое средопочіе войска Польскаго. Полки же Козацкіе выдвинулись изъ своихъ укрьпленій, распянулись полукружіемъ, и пославили Поляковъ въ два огня. Болѣе семи часовъ продолжалась бишва. Побѣда опшалась на споронѣ Запорожцевъ, но они ожеспочились до шого, чшо и слышашь не хотѣли о пощадѣ или прощеніи; равеныхъ и лавшихъ на землю въ другой разъ добивали; бросавшихся въ рѣку Тясинь выпаскивали арканами и изрубливали въ куски. Спаслись шолько шѣ изъ войска Польскаго, кои могли убѣжашь. Прочіе всѣ пали на мѣспѣ бишвы, или по окресшной спепи. Когда послѣ сраженія пересчитали убишыхъ Поляковъ, шо вышло, чшо Жолкевскій пошерялъ 17.330 человекъ. Наливайко приказалъ всѣхъ убишыхъ непріятелей зако-

папъ въ огромныхъ яругахъ близъ прехъ виселищъ; — а висѣвшіе сняты и погребены съ шоржеспвомъ въ Чигринской церкви Преображенія Господня. На гробахъ ихъ вырѣзали надпись: — „Невиннаго ихъ спраданія за Опечество и Православную Вѣру.“ — (По Льпописямъ и Народнымъ преданіямъ. Срав. И. М. Р. I. 175 — 176.)

3) *Кравчина* — такъ называло само себя все войско Запорожское; но собственно принадлежишь названіе сіе Низовымъ Запорожцамъ, или Гайдомакамъ. Откуда произошло сіе слово? Думаю, оно естъ сокращеніе слова: *Украинщина* (*Украинщина, Вкраинщина, Крайщина, Кравчина*).

III.

Поеребальная пѣсня на смерть Асаула Чурая.

Лѣшописи не сохранили подвиговъ сего Вишня Запорожскаго, бывшаго, какъ гласитъ преданіе народное, однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ и совѣтниковъ славнаго Гешмана Стефана Острияницы. Въ знаменишомъ сраженіи близъ Старицы (И. М. Р, I. 213—214), онъ предводительствовалъ небольшимъ опрядомъ Гайдоманковъ, эшихъ опчаянныхъ паршизановъ войска Запорожскаго, и съ ними проникнувши внутрь непріятельской сѣтаны, взорвалъ на воздухъ значительную часть Польскаго обоза. Почти всѣ его поварищи пали на полѣ битвы. Онъ самъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и преданъ ужасной казни (1).

I.

Орлику, сизій орлику,
Молодой Чураю!
Ой, забили жъ тебе Ляхи
Та у своймъ краю.

II.

Що забили шебе Ляхи
 Изъ швоимъ Гешьманомъ , —
 Изъ швоимъ Гешьманомъ,
 Що Паномъ Спефаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
 Орлівъ брашівъ маешъ :
 Що спарыи й молодыи —
 Самъ ихъ добре знаешъ —

IV.

Що спарыи й молодыи
 Всі въ шебе вдалися ,
 Вѣдомспиши ша за шебе
 Усѣ поклялися.

V.

Що спарыи й молодыи
 Усѣ голяныи ;
 А въ ихъ коні вороныи —
 Швыдкіи, быспрыи;

VI.

Швыдкіи, быспрыи ,
 Якъ орлы лішають,

На Ляшськіи города
 Хмарой набігаюшь.

VII.

А въ ихъ списы булашныи
 Зъ довгими кінцями,
 Всі госпры якъ голочки,
 Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булашныи,
 На обідвы боки,
 Ляхамъ зраду сыплюшь
 По всі вичні роки.

Переводъ.

Орель, сизый орель, молодой Чурай! Тебя умершвили Поляки на своей родинѣ.

Тебя умершвили Поляки вмѣстѣ съ швоимъ Гешманомъ, съ швоимъ Гешманомъ Паномъ Шефаномъ.

Орель, сизый орель! Ты имѣешь брашьевъ. И шарые и молодые, — шы знаешь ихъ самъ хорошо, —

И спарые и молодые, всѣ подобны шебѣ,
и всѣ поклялись опомснись за шебя.

И спарые и молодые, всѣ они храбры. И
у нихъ вороные кони проворны и быспры.

Они проворны и быспры, и лепашють
какъ орлы; и налепашють они словно шучи на
города Польскіе.

И булашныя копья у нихъ съ длинны-
ми наконечниками и какъ иглы онѣ оспры, съ
оспрыми клюгами (2).

И булашныя сабли у нихъ съ лезвеями на
обѣ стороны: онѣ всегда разсыпашють злоща-
спія на Поляковъ.

Примѣчанія.

1) Конисскій пишетъ, что Чурая прибили
гвоздями къ доскамъ, облили смолою, и наконецъ
сожгли медленнымъ огнемъ.

2) Я уношребилъ слово *клюги* попому, что
рѣшишельно непонимаю значенія онаго, и слѣдо-

вашельно не умѣлъ перевести. Опшъ бандуриста
полку не могъ добисься. — „Такъ воно, бачъ,
кюги, опшъ-шй кюги!“ да и полько. —

И. Срезневскій.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1833. Апр. 16.

Р Ы Б А Л К А.

МАЛОРОССИЙСКАЯ БАЛЛАДА.

=

*Das Wasser rauscht, das Wasser schvull,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan. — Göte.*

=

Вода шумышь!... вода гуля!...
На берези *Рыбалка* молоденький
На поплавецъ глядышь и примовля:
Ловицца, рыбочкы, велыки и маленьки!

Що рыбка смыкъ, — шо сердце піохъ!..
 Серденько щось *Рыбалочци* вищуге:
 Чы шо шугу, чы шо переполохъ,
 Чы шо коханнячко?... не зна винь, — а сумуге!

*

Сумуге винь, — ажъ ось реве!
 Ажъ ось гуде! — и хвыля ушикае!...
 Ажъ — гулькъ!... зъ воды *Дивчинонька* плыве,
 И косу счисуге, и бривкамы моргае!...

*

Вона - й-морга, вона - й - спива:
 „Гей! гей! не надь, *Рыбалко* молоденькый,
 „На зрадний гакъ ни щуку, ни лына!...
 „На що шы нивечышь мій ридь и плидь любень-
 кый?

*

„Колыбъ шы знавь, якъ *Рыбалкамъ*
 „У мори жышь и-зъ рыбкамы гарненько,
 „Тыбъ самъ пирнувь на дно къ лынамъ,
 „И парубоцькее отдавь бы намъ серденько!

*

„Тыжь бачывъ самъ, — не скажешъ: *ни*,
 „Якъ *Сонечко* и *Мисяць* червоненькый

„Хлюпощуця у насъ въ води на дни
 „И изъ воды на свишь выходяшь веселеньки!

*

„Тыжъ бачывъ самъ, — якъ въ шемну ничъ,
 „Блыщяшь у насъ зиронькы пидъ водою:
 „Ходыжъ до насъ; покынь шы удку причъ:
 „Зо мною будешъ жышь — якъ брашь живе зъ
 сесшрою!

*

„Зырны сюда!... чы сежъ вода?...
 „Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
 „Ой! я не зъ шымъ прыйшла сюда,
 „Щобъ намовляшь зъ воды на Парубка невзгуду!“

*

Вода шумышь!... вода гуде...
 И ниженькы по киспочкы займае!...
Рыбалка вспавъ, *Рыбалка* йде;
 То спыныцца, шо вляшь все глыбшенько пирнае!..

*

Вонажъ морга, вона-й-спива...
 Гулькь!... прыснулы на сынимъ мори скалкы!...
Рыбалка хлюпъ!... За нымъ щубовсь вона!...
 И билше вже нигде не бачылы *Рыбалкы*!...

* * *

БАТЬКО ТА СЫНЪ.

Б а с н я.

=

„Эй! Хвѣдьку! вчись! Эй! схаменись!“

Такъ Панопецъ казавъ свой дышынн:

„Шануйсь! бо, далыби, колысь

Тму, мну, здо, тло — спышу на спыни!“

Хвѣдькò не вчывсь — и скошповавъ

Березовой кашкы,

Та впяшь не вчывсь — и пушповавъ:

Побывъ шыбкы и пляшкы;

И щобъ не скошповашь одъ Батька ризочòкъ,

Винъ ризку вперъ въ огонь, — ша-й заховавсь въ

кушокъ:

Ажъ Басько за чубъ хипъ! и, не знайшовшы ризкы,
Дрючкомъ Хведька разивъ изъ шисшь оперезавъ!..

Тогди Хведько скризь слизкы

Такъ Баськови сказавъ:

Колыбъ було знашпя, що гаспыдзька дрючына,
Такъ дуже дошкуля, шо, песька я дышына,

Колыбъ я шакъ робывъ:

Ябъ вперъ дрючокъ въ огонь, а ризкыбъ не па-
львъ!

* * *

Р Ы Б К А.

Б а с н я.

=

Въ спавочку Плипочка дрибненька
Зъ нечевья зуздрила на удци червяка,
И такъ була раденька!
И думка шо була шака,
Щобъ пидвечирковашь смачненько:
Ну! дейко! до його швиденько!
То зъ боку ускубне,
То зъ переду поцупышь,
То хвостыка лызне,
То зъ низу впяшь пидсшупышь,
То вырне, шо пирне,
То сипне, шо смыкне,
Вовпузыця, ялозыця и пріе, —
Та ба! ша рошыня шаке узеньке, бачь,

Що ничего не вдіє!

Хочь сядь, — ша-й плачь!

Ой! гиренько мени на свишоньку, мовляе,
За що мене, шакъ доля зневажає?

Тымъ пельку и живишь дала съ ковальскій михъ,
Тымъ зубы — мовъ — шпычкы; а намъ на глумъ,
на смихъ,

Ропъ шпылькою неначе проспromeла!...

Ой! правду Дядына небога говорила:

Що шилько на свыпи великымъ рыбама жышь!
А намъ малымъ въ кулакъ шрубышь!

Такъ Плишочка въ води на долю нарикає, —
А на гачку червякъ все хвостыкомъ кыває!...

Червякъ кыва, — ажъ ось! — Зи дна

Гулькъ Щука! бовшь!... вона

За удку хипъ!

А удка сипъ!

Зъ воды щубовсь въ окрипъ!...

Ой лышечко! оцежъ — якъ Дядына збрехала!...

Изъ ляку Плишочка сказала,

И бильшь не скаржылась на долю Плишочокъ,
За ласенькый на удочки шмапокъ:

Що Богъ пославъ, — чы то багашо, чы то шрошкы,
Въ куширь зализшы, іла мовчкы! —

* * *

Д О П А Р Х О М А .

I.

*Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem; non secus in bonis etc.
Horat. Lib. II. Od. 3.*

=

Пархоме! въ щаспи не брыкай!
Въ нудзи пришьмомъ не лизь до неба!
Людей пышай свѣй розумъ май!
Якъ не мудруй, — а вмершы шреба!

*

Чы карапаешъ вѣкъ въ журби,
Чы шо, за поспавцемъ горилкы,
Въ шынку наризуюшь шоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;

*

Чы пьяный пидь шыномъ хрощешъ ,
 Чы до господы лизешъ рачкы ,
 И живку макогономъ бьешъ ,
 Чы самъ шовчесся на вкулачкы :

*

Оры и засивай ланы ,
 Косы широки перелогы ,
 И грошыкы за башпаны —
 Лупы, та все одкынешъ ногы !

*

Покынешъ все, спижки — й — скурпы ,
 Все ласоци: паслинь, цыбулю ;
 Загарба ившый все, — а пы
 Зыисы за гирку працю дулю ! . . .

*

Чы Соцькымъ Башько пвий въ сели ,
 Чы самъ на Панщыни працюе, —
 А смершь зривняе всихъ въ земли :
 Ни зъ кымъ скажена не жаршуе ! . . .

*

Чы *читъ*? чы *лышка*? — загука :
 Ты крыкнешъ: *читъ* ! . . . ба брещешъ, сыну !
 Озвеця Паплюга съ кушка ,
 Тай — й — зцупышь зъ печи въ домовыну !

ДО ЮГОЖЪ.

II.

*Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem
tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros. etc. Horat. Od. 12.*

=

Пархоме! не мудруй! Ворожки не пыпай, —

Якъ довгый вѣкъ прокарашаешь?

Що выковала вже Зозуля, — поживай; —

А билше. . . . шкода, що — й — бажаешь?

*

Хочь всихъ шы Упыривъ зберы и Знахоривъ, —

Хочь покумайся шы зъ Видьмамы:

Ни хшо не скаже намъ, шакъ якъ бы шы хопивъ, —

Що доля завшра зробышь зъ нами! —

*

Чы доведецця ще подушне заплашышь?

Чы до снагы' вже розплашывся?

На що, при що шоби надъ цымъ чупрыну гришь?

Дурный! дурный! а въ школи вчывся! . . .

*

Терны! За долею, куды попхне, хылысь,

Якъ хылыцца одъ вишру гилка:

Чы будешъ жышь? чы вмрешъ? Пархома! не жу-
рысь! . . .

Журысь обь шимъ, чы е горилка? . . .

*

А е? шакъ пры на спиль! часнуй, ша-й самъ
кругляй!

Чы намъ, Пархома, шреба скилькы?

Та вжежъ — чы вкорочашъ свйй викъ, — шо вко-
рочай

Въ шынку надъ бочкою горилкы!

*

Опшь! мы базикаемъ, — а часъ мовъ виль зъ горы
Чухра: іого не налыгаешъ!

Опшь! скилькыбъ выпылы до сеи мы поры,
Такъ шыжъ будимъ не дотуваешъ!

*

Нужь! цупь оспанню пыгрывняку зъ капшука,
Покы спара пере ганчиркы:

Бо вже — якъ вернецца, шо, думка, бачь, шака,
Що помремо обыдва безъ горилкы!

* * *

О Т Р Ы В К И

изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина,
переложенной
на Малороссійскій языкъ.

=

Изъ 2-й Пьсни.

—

Маруся.

.

Мазепа.

Ну, слухай, сердце, годи, годи!
Та що почувешь — шо мовчы:
Давно мы заварилы дило,
Теперь воно кыпышь у насъ,
Годына гарная наспила,
Прокалалае швидко часъ.
Давно безъ башьковской славы

Мы, якъ волю, въ ярми жылы,
 У подданспви: або Варшавы,
 Або великой Москвы.
 Возыпця годи зъ Москалямы,
 Украйни царспвомъ будь пора.
 И я, своимы козакамы
 Шпурну на мощного ПЕТРА!
 Москаль жахнепця передь намы
 И може буду я Царемъ.
 Зъ собою за-одно я маю
 И Карла зъ Польскимъ Королемъ.
 Княгиня Дульская опшая,
 Та спарець, бачь, ша Іезуишъ;
 Видь ныхъ до мене лыспы носяшъ.
 Ну, е за що мене журышъ? . . .
 Опшакъ жинки що дня голососяшъ,
 А розпышай: — сама не зна,
 Чого спалышця нависна!

Маруся.

Ты будешъ Царь на Украйни!
 Якъ гарно на сидій чупрыни
 Зассяе золошый винець

Мазена.

Та почидай, ще не конець,
 Богъ вись, про ше, що дали буде!

Маруся.

Тебе вси поважають люде,
 На смерть за тебе кожний радъ,
 Ты крацій будешъ Царь видъ міру,
 Тебе жде Царство

Мазепа.

А якъ кашъ?

Маруся.

Пиду зъ побою идъ сокрыу!

Изъ 3-й Пьсни.

Скризь хмары небо заспылають,
 Ночна доба. Биля Днипра
 На берези соби куняють
 Невиры, ворогы Петра.
 Забувши висько и Полшаву,
 И Москаливъ велику славу,
 На спорыши Карль гарно славъ.
 Та сонъ Мазепу облишае,
 Шокій видъ нёго упикае,
 Ему: все жарко, винъ спогнавъ.

Ажъ чуеть, хпось ёго позвавъ,
 Зырнувъ изъ ляку зашрусывся;
 До нёго близько хпось схылывся.
 Обшарпана, худа, блидна,
 Дивоцьку косу розпусшыла.
 Очима, ниби звирь, свишыла,
 Нагнувшысь передь нымъ вона. —
 „Хшо ты шака? се ты Маруся!“

Маруся.

Мовчы, почуюшь насъ, боюся;
 Тыхенько шепопы шеперь;
 Вже мамы й башько мій умерь!

Мазена.

Та що ты мелешъ, Богъ съ побою!

Маруся.

Послухай що воны зо мною
 Хошили заразь изробышь!
 Якъ мусылы мене дурышь.
 Куды вшикашь въ шакую пору?
 Куды дивашця зъ поговору?
 Якъ речъ скаженихъ зупынышь?
 Вона мици шеперь казала,
 Що башька вже мого нема.
 Ёго я голову держала,

Да шо не людська голова,
 А вовча. Бачышь якъ дурыла
 Вона Марусю, чуешь пы!
 Щобъ не гадала й не хопила,
 Зъ шобою серденько вшпекшы!
 Чы можножь? —

Гепьмань мовчки слуха,

Що дрыбошишь ёму вона.
 И зновъ не перевившы духу
 Вона казашы почала: —
 Я знаю празныкъ, пыскъ народу,
 И мерцвякы якого зброду!
 Туды я зъ мамою ишла. . . .
 Та дежь пы бувъ? зъ шобою ризно
 Нужуся далеби-що я.
 Ходимъ до дому, глянь якъ пизно. . . .
 Скрупылась голова моя!
 Тебе я мала за другого!
 Ты, спарцюга, якій спрашний.
 Ни, гарный бувъ Мазепа мій;
 А пы, шакъ здавсь на чорша злого.
 Въ ёго очахъ — якъ жаръ любовь.
 А речи — одъ огню жарчиши,
 Видь снигу усъ ёго билиши,
 А швій замазаный у кровь!
 И — зъ регопомъ завызкопила;

И мовъ лыхій їи злызавъ.
Мазепыне прусилось пило,
Ёго цыганскій пипъ пронявъ;
Мовъ смершью на нёго сонуло,
За шкуру снигомъ мовъ сыпнуло,
И волосъ шапку пидсувавъ.

Е. Гребёнкинъ

БУДЯКЪ ТА КОНОПЕЛЕЧКА.

(ПРИКАЗКА.)

=

„Чого пы шакъ мене, паскудо, въ боки пхашь?“

На Конопелечку въ спеху Будякъ гукавъ.

— „Та якъ роспы мыни, и самъ здоровый знаешъ,
Що землю у мене съ пидь коринця зибравъ.“ —

*

Бува и межъ людей сѣму колючцѣ пара;

Народъ шовче, ша й жде щобъ хпо ёго кохавъ!

Я бачивъ самъ шакыхъ и — можебъ показавъ,

Та цурь ёму — розсержу Комысара.

Е. Гребѣнкинъ.

ПШЕНЫЦЯ.

(ПРИКАЗКА.)

Я бачывъ якъ пшеньцю мылы:

То що найкращее зерно

У воду шилки плюсь, якъ разъ пишло на дно;

Полова жъ нависна, гуля соби по хвыли.

Прывивъ мене Господь побачышь и Панивъ:

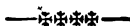
Мовъ проспый чоловикъ, шамъ иншій Панъ сы-
дивъ,

Други, розпрындывшысь, мовъ павычи ходылы.

И здумавъ заразь я, якъ шилько поглядывъ,

Що бачивъ якъ пшеньцю мылы.

Е. Гребёнкинъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

Изъ 6-й книжки

МАЛОРОССИЙСКОЙ ЭНЕИДЫ.

=

Юпитеръ сзываетъ боговъ на Олимпъ, укоряетъ ихъ въ несправедливыхъ поступкахъ противу людей. Венера жалуется на нѣкоторыхъ боговъ за притѣсненіе Энея. Юнона отвергаетъ жалобы Венеры. Юпитеръ приказываетъ богинямъ замолчать; даетъ свои повелѣнія и распускаетъ боговъ.

Зевесъ моргнувъ якъ криль усами,
Олимпъ мовъ лисшикъ запрусивсь;
Мигнула блискавка съ громами,

Олимпскій попрухъ взворушивсь. —
 Боги, богини и пивбоги,
 Просшоволосы, босоноги,
 Бѣжають въ Олимпску карвасарь (*).
 Юпишерь гнѣвомъ распаленный,
 Влепѣвъ до нихъ мовъ наваженный
 И крикнувъ якъ на гончихъ псарь.

*

„Чи довго будеше казыпсь,
 „И спыдъ Олимпови робить?
 „Що день промежь себе сварипсь
 „И смершныхъ съ смершными править?
 „Поспупки ваши всѣ небожи;
 „Вы на супяжниківъ похожи
 „И рады мордувать людей;
 „Я васъ изъ неба поснихаю
 „И до того васъ укараю,
 „Що пасши будеше свиней.“ —

*

„А вамъ, Олимпски зубоскалки,
 „Моргухи, дзиги, фиглярки,

(*) *Карвасарь* или *карвасарія*, Словесный Судъ, учрежденный некогда на ярмаркахъ въ Малороссійскихъ городахъ, для разбора жалобъ и споровъ между продавцами и покупателями. *Сог.*

„Березовой дамъ припарки,
 „Що довго буде вамъ въ шямки,
 „Охъ вы на смершныхъ дуже ласы!
 „Якъ Грекъ на Нѣжински ковбасы,
 „Все лихо на земли опъ васъ.
 „Черезъ ваши зводни, жениханья,
 „Не маю я ушанованья;
 „Я намочу васъ въ шевскій квасъ.“

*

„Або, опдамъ васъ на рабошу,
 „Запру въ смирипельныхъ домахъ,
 „Тамъ выженушь изъ васъ охошу,
 „Содомишь на землѣ, въ людяхъ.
 „Або — я лучшу кару знаю,
 „Ось якъ богинь я укараю:
 „Пошлю васъ въ Запорожску Сѣчъ;
 „Тамъ вашихъ каверзь не вважаюшь,
 „Жинокъ шамъ на пюпюнь мѣняюшь,
 „Въ день пьяны спляшь, а крадушь въ ничь.“ —

*

„Не вы народъ мій сопворили,
 „Не хисль создашь вамъ червяка;

„На щожь людей вы раздразили?
 „Вамъ нужда до чужихъ яка?
 „Божусь моею бородою
 „И Гебиною пеленою,
 „Що шѣхъ богивъ лишу чинивъ,
 „Яки шеперь въ вѣйну вплешущся;
 „Не хай Эней и Турнь скубушся,
 „А вы глядишъ своихъ чубивъ.“ —

*

Венера — молодиця смѣла,
 Бо все зъ военными жила,
 И биге зъ ними мясо ѣла
 И по прахширахъ пуншь пила;
 Часенько на соломѣ спала,
 Въ капонѣ сѣромъ щеголяла,
 Походомъ на визку пряслась;
 Манишки Офицерски прала,
 Съ спрючкомъ горилку продавала,
 И мерзла въ ничь, а въ день пеклась.

*

Венера по драгунски смѣло
 Къ Зевесу въ вышяжку иде,

Начавши говориши дѣло,
 Очей съ Зевеса не зведе:
 „О шапу, сильный, величавый!
 „Ты всякій помысль зришь лукавый,
 „Тебе ни хпо не проведе;
 „Ты окомъ землю назираешь,
 „Другимъ за нами приглядаешь,
 „Ты знаешь, що и якъ, и гдѣ.“ —

*

„Ты знаешь, для чого Троянцивъ
 „Злымъ Грекамъ попусшывъ побивъ;
 „Энея съ пригорщнею ланцивъ
 „Велѣвъ судьбамъ не пошопишь;
 „Ты знаешь лучше всѣхъ причину,
 „Чого Эней припливъ къ Лапину
 „И билия Тибра поселивъ?
 „Тыжь словомъ що опредѣляешь,
 „Того во вѣкъ не одмѣняешь,
 „Видкиль же Турнъ шупъ пришуливъ?“

*

„И що шакее Турнъ за свяпо,
 „Що не вважае и шебе?
 „Фригійске племя не прокляшо,
 „Що всякій ерешыкъ скубе;

„Твои законы бѣ исполнялись ,
„Коли бѣ Олимпски не мѣшались
„И не справляли бы людей.
„Твоихъ приказивъ не вважаюшъ ,
„Нарочно Турну помогаюшъ ;
„Бо бачъ Венеринъ сынъ Эней.“

*

„Троянцивъ бѣдныхъ и Энея
„Хшо не схопивъ шой не пужавъ ;
„Терпѣли гирше Промеша ,
„На люльку що огню укравъ.
„Непшунъ съ Эоломъ съ перепросу,
„Дали шакого перечосу ,
„Що й досе зашпары щимляшъ.
„Другіежъ боги що казаши ;
„Дѣла ихъ лучше Музамъ знаши ,
„Энея шилько незѣдяшъ.“

*

„О Зевсъ! о бапычку мій ридный!
„Оглянься на плачь дочки своей ;
„Спаси народъ Фригійскій бѣдный ,
„Винь дѣло ешь руки швоей.

„Якъ маешь ты кого караши,
 „Карай мене. — Карай! Я маши,
 „Я все сперплю ради дѣшей! —
 „Услышь Венеру многогрѣшну!
 „Скажи мнѣ рѣчь швою упѣшну;
 „Щобъ живъ Іуль, щобъ живъ Эней!“ —

*

„Мовчашь!“

Юнона злбна пороцишь:

„“

„Якъ дамь! — очипокъ излепишь;
 „Ты смѣешь кошиня мерзене,
 „Зевесу доносишь на мене,
 „Щобъ пѣмь насъ привесли въ розладъ:
 „За кого ты мене пріймаешь?
 „Хибажь, Венера, ты не знаешь,
 „Що Зевсъ мій человекъ и брашь?“

*

„Тобѣжь Зевесъ, скажи, не спыдно,
 „Що предъ шобою, дрянъ и прахъ,
 „Базика о богахъ обидно,
 „Мудруе о швоихъ дѣлахъ;
 „Якій ты свѣша повелишель?
 „И намъ Олимпскій предводишель,

„Коли прошивъ Венеры насъ? . . .

„

„Нюкчемна спорщица Цышерска ,

„Для шебе лучшая ошь насъ.

*

„Якъ честную еи пріймаешь

„И все робишь для неи радъ.

„Вона и Трою разорила ,

„Вона Дидону погубила ,

„Но все иде для неи въ ладъ.“

*

„Гдѣ ся пидшипанка вмѣшалась ,

„То вербья золоше росло ,

„Земля бѣ щаспливою назвалась ,

„Колибѣ шаке пропало зло!

„Чрезъ неи вся Латынь возсшала

„И на Троянь еи начала ,

„И Турнь зробивсь Энею врагъ.
 „Не можно бѣдъ всѣхъ излѣчиши,
 „Якихъ успѣла наробиши
 „На небѣ, на землѣ, въ водахъ.“ —

*

„Теперь же на мене звершае,
 „Сама наброивши бѣды;
 „И шакъ Зевеса умоляе,
 „Мовъ шилько вылѣзла зъ воды.
 „Невинничаешъ мовъ Сусанна;
 „Незаймана николи Панна,
 „Що въ хушорѣ зжила весь вѣкъ.
 „Недиждешъ съ бабкою своею —
 „Я докажу швому Энею. . . .
 „Богиня я — винъ человекъ.“

*

Венера лайки несперпѣла,
 Юнону спала кобенишь;
 И перепалка закипѣла:
 Одна другу хопѣли бишь.
 Богини въ гнѣвѣ, также бабы
 И также на ушоры слабы,

Съ досады часомъ и брехнушь:
 И якъ перекупки горланяшь,
 Одна другу безчеспяшь, гаяшь,
 И ридь весь съ пошрухомъ кленушь.

*

„Та цышьше, чоршовы сороки!“
 Юпишеръ гризно закричавъ:
 „Обомъ вамъ обибью я щоки,
 „Щобъ васъ бублейницъ врагъ побравъ!
 „Не буду васъ карашь громами;
 „По пашѣхъ выбью чубуками,
 „Олимпъ заспаваю вымѣпашь;
 „Я васъ умью усмириши,
 „Заспаваю чеспно въ свѣшѣ жиши
 „И заразь дамъ себе вамъ знашь.“

*

„Занишкнишь, уха наспавляйше.
 „И слухайше що я скажу;
 „Мовчишь! — рошы пороззявляйше,
 „Хпо пысне — морду розмижжу.
 „Между Лапинцивъ и Троянцивъ
 „И между Турновыхъ поганцивъ,

„Не сыкайся ни хшо въ вѣйну ;
„Ни хшо, ни якъ не помогайше,
„Князькивъ ихъ шакже не займайше ,
„Побачимъ здасся хшо кому.“ —

*

Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровами,
И боги въ роспычъ всѣ пишли.
И я прощаюсь съ небесами,
Пора спустишися до земли
И спашь на Шведскую могилу,
Щобъ озирнушь военну силу
И бишву вѣрно описашь ;
Купивъ бы Музъ на охвошу
Щобъ кончишь помогла рабошу ;
Бо вигде рифмъ уже доспашь.

И. Котляревскій.

